

Вестник НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ Московского университета

Основан в ноябре 1946г.

Серия 13

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

№ 1 • 2014 • ЯНВАРЬ–МАРТ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

<i>Khokhlova L.V.</i> Changing Contours of Mother Tongue-English Bilingualism in India	3
<i>Репенкова М.М.</i> Романы Элиф Шафак как пример структурированного повествования	20
<i>Дрейзис Ю.А.</i> Элементы постмодернистской поэтики в творчестве Юй Хуа и Владимира Сорокина.	31
<i>Куницкая Я.И.</i> Стихотворные вставки и их функции в «Книге о чалме» Хушхал-Хана Хаттака	42

История

<i>Шлыков П.В.</i> Трансформация партийно-политической системы Турции в 1983–2013 гг. и мобилизационные стратегии оппозиции. Часть 2	54
<i>Тимофеева М.В.</i> Конфликт в Айодхье: история вопроса и современное состояние	72

Публикации

<i>Шахов А.С.</i> Арабское кино: взгляд из Москвы	84

CONTENTS

Philology

<i>Khokhlova L.V.</i> Changing Contours of Mother Tongue — English Bilingualism in India	3
<i>Repenkova M.M.</i> Elif Shafak's novels as an example of structured narration	20
<i>Dreyzis Yu.A.</i> Elements of postmodernist poetics in the fiction of Yu Hua and Vladimir Sorokin	31
<i>Kunitskaya Ya.I.</i> Poetic Incorporation and its Functions in "Book of Turban" by Khushkhal-Khan Khattak	42

History

<i>Shlykov P.V.</i> The Transformation of Turkey's Party and Political System in 1983–2013 and Mobilization Strategies of the Opposition. Part 2	54
<i>Timofeeva M.V.</i> The Ayodhya Conflict: Background and Current State	72

Publications

<i>Shakhov A.S.</i> Arab Cinema: the View from Moscow	84

ФИЛОЛОГИЯ

L.V. Khokhlova

CHANGING CONTOURS OF MOTHER TONGUE-ENGLISH BILINGUALISM IN INDIA

The type of bilingualism and multilingualism of the urban intellectual elites in India is absolutely different from the bilingualism of the intellectual elite formed by previous generations. In spite of the permanent increase in the number of people identifying themselves as ‘native speakers’ of various Indian languages and in spite of the role of the official propaganda claiming to provide support to mother tongues and especially to Hindi, the role of mother tongues as tools of expressing intellectual demands of the speakers and of preserving cultural traditions of the society is rapidly decreasing. The *symmetrical* type of bilingualism of the ‘parents’ is gradually substituted by the *recessive* bilingualism of the younger generation.

Key words: mother tongue, types of bilingualism and multilingualism in India, code switching, code mixing, self identification, speech repertoire of Hindi speaking educated elite, language attitudes of urban elite, language movements.

Билингвизм и полилингвизм современной индийской элиты существенно отличается от билингвизма и полилингвизма интеллектуальной элиты предшествующих поколений. Так, например, билингвизм Рабиндраната Тагора и интеллектуалов его круга был продуктивным (*productive*), ‘сбалансированным’ (*balanced*) и ‘смешанным’ (*compound*). Они одинаково хорошо владели навыками порождения и восприятия текста на бенгали и английском и могли перевести любой текст с одного языка на другой. Было бы неверно утверждать, что в современной Южной Азии отсутствуют билингвы, обладающие такими же навыками, однако прогрессирует тенденция употребления родного и английского языка в дополнительной дистрибуции: родной язык употребляется для выражения конкретных понятий, английский — абстрактных.

Ключевые слова: родной язык, билингвизм и полилингвизм в Индии, переключение кодов, смешение кодов, самоидентификация, речевой репертуар хиндиязычной элиты.

I. The concept of ‘mother tongue’ as applied to Indian reality

The concept of ‘mother tongue’ is very complicated as applied to Indian reality. The 2001 Census of India defines ‘mother tongue’ as ‘the language in which someone’s mother was talking to a person in his/her childhood’. In case the mother of the child had died, the enumerator should find out the language being spoken in the household. The census officials are supposed to record faithfully and correctly what the citizen says, even in case they disagree with him in identifying the language he

speaks. If the enumerator doubts that the details concerning a person's mother tongue are not reported honestly, he may later refer this matter to his Supervisor for further scrutiny¹.

There are several situations when Census enumerators may not get correct answers concerning persons' mother tongues:

1) Uneducated people often use queer names for their mother tongue: caste names, names of clans, professions, religious sects, villages, regions or provinces, names of animals and birds etc. Indian linguists have studied many of such cases and have worked hard for classifying those queerly named languages and associating them with this or that of the four main language families of India: Indo-Aryan, Dravidian, Austric and Tibeto-Burman.

2) Both educated and uneducated people may have difficulties in naming their mother tongue if mother's native language plays very little role in their life. Many Indians who earn their livelihood outside their own linguistic province face the problem described by H.Y. Sharada Prasad in his column, 'All in All', in *The Asian Age* (March 7, 2001): his mother tongue was Kannada, his wife's — Telugu. The children were born in Delhi and spoke both Hindi and English at home as well as at school having no opportunity to study either of the parents' language. In case when a citizen hesitates to name his mother tongue the Census enumerator starts giving advices (though he is not supposed to enter into any dialogue with the respondent concerning the latter's choice). In case of Sharada Prasad's children the advice was that 'since they must be speaking Hindi, that language would be deemed to be their mother tongue'².

In case of being associated with some organized movements, claiming recognition of the distinct identity for a particular language, the people may name their mother tongue on the basis of religious or political considerations. That happened in Punjab during Punjabi Suba movement when — without regard to linguistic reality — Sikhs responded to 1961 Census enumerators that their mother tongue was Punjabi and Hindus usually insisted that their mother tongue was Hindi. Another example is the state of Rajasthan during the movement claiming recognition of Rajasthani as an official language of the state. The term 'Rajasthani' itself was suggested by G. Grierson for several dialects that had common linguistic features. Later people started using it as a symbol of their identity. It was returned as the 'mother tongue' by 163 people in 1911, by 32 in 1921 — and by 367 726 in 1951. The latter amount got nearly doubled during the next 10 years — thus, in 1961 it reached 713 357. In 1961 'Rajasthani' speakers constituted only 3, 5% of the state population, but in 1971 they numbered

---

¹ Mallikarjun B. Bilingualism and Census of India 2001: Mother tongue in Census 2001 // *Language in India: Strength for Today and Bright Hope for Tomorrow* / M.S. Thirumalai (ed.). Vol. 1:3. May 2001. URL: <http://www.languageinindia.com/april2001/indiancensus.html>

² Ibidem.

already 7,5%. In 2001 the speakers of Rajasthani constituted 32,5% of the whole population of Rajasthan (compare with 32 persons in 1921). That is a very interesting example of the transformation of the term that has been suggested by the English scholar (and, probably, used before him by some persons identifying themselves with the place name) and that later has become a symbol of self-identification for more than 18 million citizens of the state of Rajasthan.

II. Types of bilingualism in India

The linguistic situation in India provides a lot of data for research in all types of bilingualism known in sociolinguistic theory:

1) *Productive* vs. *receptive* bilingualism that can be divided into several subtypes, i.e. passive vs. active language skills in listening and reading comprehension, oral and written production. For example, Gujarati-Hindi bilingualism of educated people belongs to productive, of illiterate peasants — to the receptive type. Oral language skills used to prevail over written ones throughout Indian history. However, written skills used to be respected much more than oral ones. For an Indian being literate in any language usually implies oral fluency, rarely vice versa. In some cases people identify language with literacy and hence do not describe themselves as knowing a language unless they can read it; conversely, they may say that they know the language in case they can cope with its alphabet.

2) *Recessive* vs. *ascendant* bilingualism deals with the situations when the social functions of one language are decreasing or increasing, being shifted to the other language. For example, Punjabi-Urdu bilingualism in contemporary Indian state of Punjab belongs to *recessive*, Punjabi-English — to *ascendant* type.

3) *Sequential* bilingualism implies that a person becomes bilingual by learning first one language and then another; it is opposed to *simultaneous* bilingualism, under which both languages are learned simultaneously. The case of *sequential* bilingualism may be illustrated by the behavior of Rajasthani children who speak Marwari or Mewari at home and attend Hindi-medium school. *Simultaneous* bilingualism is represented by the children of the educated families residing in big cities (like Delhi, etc.) who pick up Hindi and English at home at the same time.

4) *Vertical bilingualism* (also known as *diglossia*) is typical for situations where in addition to the primary dialects of a certain language there exists a highly codified, superposed variety which is usually learned through formal education and is employed for the majority of written and spoken purposes but is not meant for ordinary conversation. Situations in Hindi speaking region and Tamilnadu usually illustrate this type of bilingualism. The term *diglossia* was first introduced by Ferguson³ to refer to

³ Ferguson C.A. Diglossia. Word 15, 1959: 325–340.

a relationship between varieties of the same language, but nowadays the term usually covers also relationships between different languages used in complementary distribution inside a certain society.

5) *Balanced* bilingualism refers to situations when fluency in both languages is equal — typical, e.g., is Punjabi-Hindi bilingualism of Punjabis residing in Delhi.

6) *Coordinate* and *compound* bilingualism: the *compound* bilingual supposedly has one semantic system and two codes; the *coordinate* bilingual supposedly has two semantic systems and two codes⁴. The first type presumes abilities to easily translate from one language into another, while second type bilinguals may have difficulties in translation. Opposition between *coordinate* and *compound* bilingualism in India needs more investigations to be carried out. An attempt will be undertaken below to demonstrate that Hindi-English bilingualism tends to compound type.

7) *Semilingualism* refers to persons who in comparison with monolinguals have deficiencies in both languages. For example, students of Jawaharlal Nehru University in Delhi whose mother tongue is Bhojpuri may have deficiencies both in standard Hindi and in English.

Many Indian speakers are *multilingual*. P.B. Pandit has given an often quoted example of an Indian spice trader living in the suburbs of Bombay. His mother tongue and home language is a dialect of Gujarati; in the market he uses a variety of Marathi, the state language; at the railway station he speaks Hindustani — the pan-Indian lingua franca; the language of his spice trade is Kachi; in the evening he will watch a film in Hindi or in English and listen to a cricket-match commentary on the radio in English⁵.

All these forms of speech are in complementary distribution in the linguistic repertoire of the described businessman. Each code may contain not more than several hundred words (Hindi and English may contain more). Most probably the spice trader will not be able to talk about cricket-match or latest economic and political news in his mother tongue. If he does, all economic and political terms will be borrowed from English.

All types of bilingualism and multilingualism are interacting in India, patterns of language usage being determined by the social status of communicators, setting, domain, degree of intimacy, in/out small group contacts, nature of activity etc.

Census of India cannot register all cases of multilingualism. In the 2001 Census two types of language-related information were collected from the respondents:

---

⁴ *Ervin S.M., Osgood C.E.* Language Learning and Bilingualism // Psycholinguistics. Journal of Abnormal and Social Psychology, Supplement / Charles E. Osgood and F. Sebeok (eds). Vol. 49. 1954: 139–146; *Weinreich U.* Research Frontiers in Bilingualism Studies: Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists. Oslo, 1958: 786–787.

⁵ *Pandit P.B.* Perspectives on sociolinguistics in India // Language in Society / W.C. McCormac and S.A. Wurm (eds.). The Hague, Mouton, 1979: 172–173.

1. The name of the mother tongue;
2. The names of other languages known to the respondent.

Enumerators were to record up to two languages in order of proficiency, self-assessed by the respondent⁶.

The collected data actually says something about respondent's self-evaluation, but it may or may not reflect any linguistic reality. For example, people who know a few etiquette phrases in English may get it registered as their 'second language'.

III. Speech repertoire of educated urban elite in India:

Code switching and code-mixing in South Asia have been investigated by many scholars. (Bhatt, R. 1997⁷; Dua, H. 1993⁸; Gardner-Chloros, P., & Charles, R. 2007⁹; Gumperz, J. 1961¹⁰; Gupta, R. 1991¹¹; Kachru, B. 1978¹²; Kumar, A. 1986¹³; Malik, L. 1994¹⁴; Malhotra, S. 1980¹⁵; Sahgal, A. 1994¹⁶; Si Aung 2011¹⁷; Singh, R. 1995¹⁸; 1998¹⁹ etc.). Speech reper-

⁶ Mallikarjun B. Language according to Census of India 2001 // Language in India: Strength for Today and Bright Hope for Tomorrow / M.S. Thirumalai (ed.). Vol. 1: 2. April 2001. URL: <http://www.languageinindia.com/april 2001 / indiancensus.html>

⁷ Bhatt R. Code-switching, constraints, and optimal grammars // *Lingua* 102. 1997: 223–251.

⁸ Dua H. The national language and the ex-colonial language as rivals: The case of India // *International Political Science Review* 14. 1993: 293–308.

⁹ Gardner-Chloros P. & Charles R. Subiko welcome (Welcome to everyone): Hindi/English code switching in the British-Asian media. *Birkbeck Studies in Applied Linguistics* 2. 2007: 89–122.

¹⁰ Gumperz J. Speech variation and the study of Indian civilization // *American Anthropologist* 63, 1961: 976–988.

¹¹ Gupta R. English and Indian languages: Code mixing // *English in India: Issues and problems* / R. Gupta & K. Kapoor (eds.). Delhi: Academic Foundation, 1991: 207–215.

¹² Kachru B. Code-mixing as a communicative strategy in India // *International dimensions of bilingual education* / J. Alatis (ed.). Washington, DC: Georgetown University Press, 1978: 107–124.

¹³ Kumar A. Certain aspects of the form and functions of Hindi-English code-switching // *Anthropological Linguistics* 28. 1986: 195–205.

¹⁴ Malik L. Sociolinguistics: A study of code-switching. New Delhi: Anmol Publications, 1994.

¹⁵ Malhotra S. Hindi-English code-switching and language choice in urban, upper-middle-class Indian families // *Kansas Working Papers in Linguistics* / P. Hamel and R. Schafer (eds.). 5. 1980: 39–46 (reprinted 1992).

¹⁶ Sahgal A. Patterns of language use in a bilingual setting in India // *Second language acquisition: Socio-cultural and linguistic aspects of English in India* / R. Agnihotri & A. Khanna (eds.). New Delhi; Sage, 1994: 299–306.

¹⁷ Si Aung. A diachronic investigation of Hindi-English code-switching, using Bollywood film scripts // *International Journal of Bilingualism*. Vol. 15, issue 4. December 2011: 388–407.

¹⁸ Singh R. Hindi-English code-mixing: Some implications for a general theory. *Indian Linguistics* 56, 1995: 95–105.

¹⁹ Singh R. Linguistic theory, language contact and modern Hindustani: The three sides of a linguistic story. New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers, 1998.

toire of South Asian citizens depends on many factors: age, place of birth, family background, education etc.

Here I shall try to observe some tendencies that are apparent in the changing speech repertoire of educated elite in big cities. Urban educated elite constitutes a very small part of the whole population, but its economic, political, educational role in the country is very important. In many respects it determines the future of the country. Other social groups are enviously copying its language behavior. Foreigners, who first of all contact that very group of population, usually have an impression that 'everybody in India speaks English', while not more than 5% of the whole Indian population have good command of English²⁰.

The largest group of urban intellectual elite are Hindi speakers. They may be divided into many different groups on the basis of their skills in Hindi and English. In the broadest sense of the word, 'Hindi' refers to the dialect continuum that covers the 'Hindi belt' of Northern India. It includes the dialects of Rajasthan (Marwari, Mewari, Harauti, Mewati etc.), the dialects of Bihar (like Bhojpuri, Magahi, etc.) which are linguistically different from the standard Hindi. In its narrower sense the term 'Hindi' implies the dialects which are linguistically close to the literary standard, such as Braj, Awadhi, Bagheli, Chhattisgarhi, etc. In a still more narrow sense 'Hindi' signifies Khari boli or Kaurawi, the dialect that served as the basis for the literary standard. The native speakers of all these linguistic forms may claim that Hindi is their mother tongue.

This paper is based on the study of Hindi-English bilinguals whose mother tongue is the standard Hindi based on the Khari boli dialect and whose English knowledge is perfect. They constitute one of the most successful groups of Indian society. Unlike native speakers of small dialects who are often blamed for the communication impairment and are encouraged to abandon their dialect in favour of standard Hindi, the educated speakers of standard Hindi with a good command of English enjoy double privileges as their 'mother tongue' represents the official and the main link language of India and their second language, being formally an associate official language, in practice fulfils the functions of the main language in such spheres of activity as science, higher administration, education, business, judiciary, broadcasting, journalism, etc.

Bilinguals of this group inside their families usually learn two languages — Hindi and English — *simultaneously* since early childhood. As for professional life, the majority of the engineers, scientists, high level lawyers, educationists may be called in fact *monolingual*: in professional

---

²⁰ According to data from the 2005 India Human Development Survey, surveyed households reported that among men 72 per cent do not speak English, 28% speak at least some English, and 5% are fluent. Among women, the corresponding proportions were 83%, 17%, and 3% percent. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_English-speaking_population

domain they cannot express themselves in their mother tongue as they get both general and professional education through English medium. The representatives of the Hindi speaking elite educated in English medium schools usually do not read books, magazines or newspapers in their mother tongue, but they often watch TV programs in Hindi and speak Hindi in all informal situations. This means that the mother tongue of those Hindi speakers exists in their speech repertoire predominantly in oral form.

The mother tongue of the Hindi elite is well presented in the popular film ‘Tīn pāgal’ (‘Three idiots’), which describes the life of students of a very prestigious engineering college ICE. Below is an address speech in ‘Hindi’ pronounced by one of the professors when explaining to the college students the main principles of life:

koyal	apnā	gho ⁿ slā	kabhī	nahī ⁿ	banātī,	vah	apne	aṇḍe	dūsro ⁿ	ke
cuckoo	bird	self's	nest	ever	neg.	builds	it	self's	eggs	others
Gen										
gho ⁿ sle	me ⁿ	rakhtī	hai	aur	jab	uske	bacce	is	duniyā	me ⁿ
nest	in	keeps	and	when	its	children	this	world	in	
āte	hai ⁿ	to	ve	kyā	karte	hai ⁿ ?	ve	bacce	dūsre	aṇḍo ⁿ
come	then	they	what	do?		Those	children	other	eggs	Acc
dhakkā	mārke	gho ⁿ sle	se	girā	dete	hai ⁿ				
push	strike (abs)	nest	from	throw	away					

Competition over, the life begins with murder, that's nature — compete or die. You are also like

the	koyal	birds	aur	ye	ve	aṇḍejinko	dhakkāmārke	tum	log
	cuckoo		and	these	those	eggs	whom	push	strike (abs)
								you	people
ICE	me ⁿ	pahu ⁿ ce.	Don't	forget	ki	har	sāl	ICE	me ⁿ
	in	came				that	every	year	in
								four	100000
applications	āte	hai ⁿ	aur	un	se	sirf	do	sau	select
	come		and	them	from	only	two	hundred	are
								usually	selected
You!	aur	ye	finished,	broken	eggs,	mere	beṭe	ne	tīn
	and	these				my	son	Erg	three
								years	

apply kiyā thā. *Rejected every time. Remember, life is a race*”.

did

‘The cuckoo bird never makes nests. It keeps its eggs in other (birds’) nests. And when its children come into this world, what do they do? They throw eggs of other birds out of the nest. Competition over, life begins with murder, that's nature — compete or die. You are also like cuckoo

birds and here are the eggs which you have thrown away in order to enter ICE. Do not forget that each year 400 000 applications arrive at ICE and out of applicants only two hundred people are selected. You! And here are finished, broken eggs (points at the applications of those who have been rejected lying on the ground). My son applied three times. Rejected each time. Remember, life is a race’.

The type of code switching in the professor’s speech is typical for the Hindi-English bilingual elite. According to the accepted sociolinguistic theories, the phenomenon of code switching usually implies changing of at least one of the following parameters: the social status of communicators, the setting, the domain, the degree of intimacy, in/out small group contacts, the nature of activity, etc. But not a single of those parameters has been changed in the professor’s speech, as his addressees belonged to the same group of bilingual students and the speech subject all the time remained the same.

However a remarkable tendency characterizes the ICE professor’s language: Hindi is preferred for concrete matters, English — for abstract concepts. Thus, inside his mind English and Hindi seem to be kept on different conceptual shelves. It might be described as a special type of the compound bilingualism (one semantic system and two codes): the two codes have a complementary distribution in accordance not only with the communicators’ status, their degree of intimacy or conversation topic (‘weather talking’ is in Hindi, while discussing physics — in English), but also with the conceptual network of the speaker (which, most probably, is in tune with that one of the listeners).

This type of language is in fact the elite speaker’s mother tongue, i.e. the language a person hears and imitates at home since early childhood, the language in which he can fully express his personality, his intelligence, the language he can play with. Playing with English words prevails in his language repertoire — the dialogues in the film ‘Three idiots’ are a perfect sample of this ‘native language’ use by the gilded youth:
about three dogs roaming in the yard:

yah	<i>Kilobite</i>	hai,	yah	<i>Megabyte</i>	hai,	aur	yah	inkī	mā ⁿ
this		is	this		is	and	this	their	mother
<i>Gigabyte</i>		hai....	yah		bite	nahī ⁿ	kartī [’]		
		is	it		does	not	bite		

‘This is Kilobyte , this is Megabyte, and this is their mother Gigabyte. It does not bite!’ about the mother of one of the students:

mā ⁿ	skūl	se	<i>retired</i>	thī	aur	zyādā	<i>tired</i>	rahtī	thī
mother	school	from		was	and	very		remained	

‘Mother was retired from school and used to be very tired’

Very few Hindi idioms are used in elite's speech. Playing with the Hindi language serves the purpose of ridiculing the highbrow style of sanscritized Hindi which is a foreign language for the prosperous young Hindi-English bilinguals. This situation with sanscritized Hindi may be defined as a '*receptive*', not as a '*productive*' bilingualism. The greatest amount of concepts, belonging to the domains of philosophy, politics, aesthetics etc. are expressed in English. In fact, the aesthetic lexicon typical for a speech of the majority of successful young people is constantly narrowing. The parents usually instruct their children saying: '*life is a race, compete or die*'. In this competitive life there is no time left for reading fiction either in Hindi or in English: those, who 'waste time' on reading will be losers.

I interviewed fourty young men and women representing the younger generation in Delhi, Chandigarh and Hyderabad. The elders in those families were professors of History, English and Russian (specializing in literature or linguistics), but their children have chosen, as it often happens nowadays, the 'more in demand' professions like business, management, medicine, computer engineering and physics.

For the young people interviewed, English was the medium of instruction since early childhood, Hindi was learned by them at school as a compulsory subject, and at home they talked in Hindi, predominantly the professor's type of Hindi. I asked them to explain to me the content of five texts: two small pieces of poetry created by two pillars of the Chāyāvād²¹ trend in Hindi literature, namely, 'Ānśū' by Jay Shankar Prasād (1889–1937) and 'Tum aur mai' by Sūryakānt Tripāthī 'Nirālā' (1896–1961); the third text was a ghazal by Mīr Takī Mīr (1723–1810), the 18th century poet who is considered to be one of the founders of modern Urdu poetry; the fourth was a political text on the problems of modern journalism taken from Internet and the fifth one — a song from the film 'Pyāsā', produced and directed by Guru Dutt in 1957²². The lyrics and music from 'Pyāsā' have been extremely popular in India for a long time, so the aim of the test was to see if the young people could understand and enjoy the beauty of a song that had been loved by their parents.

Below is an average amount of unknown words in five texts: 34 words in 21 lines by Nirālā, 22 words in 26 lines by Jay Shankar Prasād, 8 words in 12 lines by Mīr Takī Mīr, 22 words in 31 lines by Guru Dutt and 16 words on one standard page of political text.

It was not surprising that some parts of the poems of Prasād and Nirālā proved to be the most incomprehensible for the young people I interviewed.

²¹ Chāyāvād — neo-romanticism in Hindi literature particularly Hindi poetry, usually dated 1917–1938.

²² This film marked the last collaboration of the long-lasting team of the composer S.D. Burman and of the lyricist Sāhir Ludhiānvī. In 2005, 'Pyāsā' was rated as one of the 100 best films of all times by *Time Magazine*.

The Sanskrit words used by both authors hamper understanding of this type of poetry by a common Hindi speaker. The negative results of the sanskritization of Hindi that has made it ‘nobody’s language’ have been discussed so many times that I shall not start repeating here the reasonable arguments of the opponents of this trend. Too much sanscritized Hindi was never liked by the majority of educated Hindi speakers, while words used in Urdu poetry, especially in songs, were rather familiar to all the representatives of elder generations. But the fact that these young people were unable to comprehend about 20 words in a small song created by Sāhir Ludhiānvī and belonging to the type of simplest lyrics shows that the vocabulary necessary for understanding India’s cultural heritage has seriously narrowed.

The problem of presence or absence of the desire to understand the text is also very important. Thus, though the interviewed youngsters theoretically were aware of the fact that Prasād’s or Nirālā’s poetry is the masterpiece of Hindi literature, I got an impression that general belief shared by all of them seemed to be that ‘those masterpieces should be enjoyed only by specialists in Hindi literature’.

The general understanding of the meaning of the presented political text was more or less acceptable, though the unknown words (16 on one standard page) in it irritated the respondents, especially if the same unknown entity was being repeated again and again. The young people made a confession that they were out of the habit of regularly reading political texts in Hindi, though many of them happened to watch news in Hindi on TV.

According to my observations, the process of restricting the role of one’s ‘mother tongue’ inside the speech repertoire of the younger elite, destined to form ‘the future of the country’, takes place not only in the Hindi speaking areas, but all over South Asia.

For example, many Bengali middle and upper-class parents send their children to Hindi or English medium schools with the idea that Hindi and English will be learned at school and Bengali will be picked up at home and in the street, so that their multilingual child will have more opportunities for getting a good job. The result is that the prestige of the language with an old literary tradition is going down. The persons belonging to previous generations were ashamed of spelling mistakes made when writing in their mother tongues, but their children are not at all bothered by such things. Similar language behaviour is typical for the elite all over South Asia, irrespective of the official status of its mother tongue — be it Punjabi in Pakistan — the language of the majority of population that does not have institutional support or Hindi in India, enjoying all the privileges of a national language.

The type of bilingualism and multilingualism of the modern South Asian elites is absolutely different from the bilingualism of the intellec-

tual elite formed by previous generations. For instance, the bilingualism of Rabindranāth Tagor and of the people of his circle was *productive*, *balanced* and *compound*. — They had equal language skills in listening and in reading comprehension and also in oral and written producing of texts both in Bengali and in English, they were also able to translate any text from one language into another.

It will be wrong to say that in today's South Asia bilinguals of Tagor's type are completely absent, but the tendency towards a complementary distribution in usage: 'mother tongue' for concrete notions, English for expressing abstract concepts — is evidently progressing.

Even those speakers of Indian languages who like to listen to news and political commentaries in their mother tongue will abstain from discussing political, social or philosophical problems when the necessity to actively use Hindi terminology arises. For example, instead of Hindi 'mudrā-sphṭi' such speakers will use either English translation of this term 'inflation' or colloquial Hindi 'mahaⁿgāi' (= 'expensiveness'), the word which implies a somewhat different meaning. Instead of 'nakarātmak pravṛttiⁿyāⁿ' they will use the English expression 'negative tendencies' or Hindi 'burāiⁿyāⁿ' 'bad features' which is not at all a synonym for 'negative tendencies'. The speech etiquette does not allow the use of highbrow Hindi terms in colloquial Hindi or highbrow Persian or Arabic terms in the Punjabi language of Pakistan. In informal situations Punjabis of Pakistan would use the same 'mahaⁿgāi' (= 'expensiveness') or English 'inflation' instead of the term borrowed from Arabic 'ifrāt-e-zār'. There exists a kind of a 'patronizing' attitude towards the mother tongue as if toward a beloved but small baby who is unable to express serious theoretical concepts.

VI. Language attitudes of the Indian intellectual elite

The worst thing is that the educated strata of the society in nowadays India are not worried about the future of Indian languages. The speakers of Indian languages identify themselves with their linguistic communities, love their languages and feel quite optimistic about the future of their mother tongues. Annika Hohenthal²³ who studied the standards of English in India has quoted the words of one of her Hindi speaking respondents '*This (English) is NOT my mother tongue. My mother tongue WILL dominate*'. Being typical, this sample of sayings raises a number of questions:

1) Where and in what domains is a certain mother tongue supposed to 'dominate'? Can a language 'dominate', if the most educated, creative and prestigious group of its speakers use it only in everyday talk, when watching films and enjoying TV serials? Can a language 'dominate' if

²³ Hohenthal A. English in India. Loyalty and Attitudes // Language in India. Strength for Today and Bright Hope for Tomorrow / M. S. Thirumalai (ed.). Vol. 3:5. May 2003. URL: <http://www.languageinindia.com/may2003/annika.html>

the vocabulary of the young people in the domain of aesthetics is getting narrower and narrower with each next generation? Will it 'dominate' if the most educated part of the society is not acquainted with and is not taught to appreciate its own classical literature, if it does not want to read newspapers and magazines in its mother tongue and due to this is hardly able to discuss political and social problems in this language? Can a language 'dominate', if it is completely unused in science or is only partially used in research works having international quality in the domain of arts?

2) What kind of language will 'dominate'? That one which is symbolized by the ICE professor's language from the film 'Three idiots'?

3) Will a language ever 'dominate' if its speakers do not understand the necessity of its being normalized? — The great majority of Hindi speakers share the opinion of one of the respondents quoted by Annika Hohenthal: *'as long as you can get your message across effectively, it does not matter what version of language you use'*.

In a situation when there is no authoritative board to impose certain standards on language usage or, at least, to explain to speakers the necessity of language normalization, most people start believing in unlimited variability. Mass media try to preserve literary standards, but these standards have no real prestige in society. People do not even notice cases of incorrect use of gender or of wrongly formed syntactic constructions.

The above formulated statements may of course raise a lot of objections:

1) The number of young people interviewed has been too small for acquiring any reliable statistical data.

This, no doubt, is correct, but my observations on the linguistic behaviour of Hindi-English bilingual elite youngsters that study at prestigious Universities, as well as the analysis of the language of the films like 'Three idiots' do show that large-scale surveys would hardly considerably change the already acquired picture.

2) Young people all over the world read less than their parents did and spend much more time on the Internet.

That is again generally correct, but can anyone imagine a young French doctor, engineer or linguist who would be unable to understand 20–30 words in one page of the masterpiece written by Charles Baudelaire or Guillaume Apollinaire? Or a young German scientist who would not be able to write a letter or would feel difficulties in reading a newspaper in German, his/her mother tongue?

3) The big cities and prestigious universities are not the whole of the country. The amount of Hindi/Hindustani speakers over the period of 1961 to 2001 has tripled, increasing from 134 million to 422 million. The state provides support to mother tongues, and specially to Hindi. There are many young people who study Prasād's or Nirālā's works when taking their M.A. courses, who read only Hindi newspapers because their English is poor, etc.

This definitely happens, but the comparatively small group of the society that has been analyzed here is the most prestigious one in the country and its members solve all kinds of intellectual tasks, make careers in politics, represent India abroad and, what is most important, they determine the future of the country.

Having described attitude of Hindi speakers to their mother tongue, it is worth to touch upon their attitude to English. The main difference between English of Europe and that one of India lies in the fact that Europeans prefer to follow either Oxford or Northern American English standard. 'Russian English' or 'French English' will be ridiculed and can never become prestigious. The Indians have privatized English and created a new version of it considered prestigious by them. For example, the majority of Indian languages do not accept long words consisting of more than three syllables, that is why long English words are shortened to create commonly used terms like 'enthu' for 'enthusiasm'. One may say: "That guy has a lot of enthu." An illiterate person may be called 'a thumbs-up' because people like him use their thumbprint for signing documents. Unlike the North American or the Oxford English, the Indian English, especially the language of the young people, is fond of acronyms and abbreviations like, e.g., 'MCP' (= Male Chauvinist Pig); 'FOC' (= Free Of Charge), etc. People use them not only when writing, but also in oral speech. Time and place in the Indian English is usually emphasized by words that are translations of the Hindi emphatic particle 'hī': "I was in Delhi only" and "Can we meet today itself?"

The Indian English has been adjusted to the local etiquette system. For example, an Indian often asks: "What is your good name?", — which is a literal translation of Hindi 'āpkā shubh nām kyā hai?'

Enumeration of all the properties of the Indian English goes beyond the scope of this paper. In general, they have already been described by various scholars (Baldrige 2002)²⁴, (Kachru 1978)²⁵, (Kachru 1983)²⁶, ²⁷(Trudgill & Hannah 1994)²⁸ etc. A few samples of the Indian English were given above simply to demonstrate that Hindi-English bilinguals treat English as their second native language, and correspondingly they are sure that they have rights to change it according

²⁴ *Baldrige J.* Linguistic and Social characteristics of Indian English // *Language in India: Strength for today and Bright Hope for tomorrow* / M.S. Thirumalai & B. Mallikarjun (eds.). Vol. 2:4. June–July 2002. URL: <http://www.languageinindia.com/junjul2002/baldrigeindianenglish.html>

²⁵ *Kachru B.* Code-mixing as a communicative strategy in India // *International dimensions of bilingual education* / J. Alatis (ed.). Washington, DC: Georgetown University Press, 1978: 107–124.

²⁶ *Kachru B.* *The Indianization of English.* Oxford: Oxford University Press, 1983.

²⁷ *Kachru B.* *The Alchemy of English: The spread, functions and models of non-native Englishes.* N. Y.: Pergamon Press, 1986.

²⁸ *Trudgill P. & Hannah Jean.* *International English: A Guide to the Varieties of Standard English.* L.: Edward Arnold, 1994.

to their tastes. The majority of the educated young people know well that 'enthu' is not a proper word in Standard English, but in *their* language it is a proper word, and they believe that their Indian English has as many rights to exist as, e.g., the North American variety.

Annika Hohenthal²⁹ has been studying the attitudes of Indian bilinguals to the Indian English. Remarkable is the statement of one of the respondents in support of deviations from the norm and variations in his English: "... *it is natural that language develops. But it would be nice if there was a body to standardize it the world over (so that we don't have some people speaking one version and the others some other version). Again, pride, cultural influences and some other things make it impossible to force one version on others. My personal opinion is that, as long as you can get your message across effectively, it does not matter what version you use (I presume languages were developed for the sole purpose of communication and expression)*".

It is not quite clear from this statement if the 'world body' is supposed to prescribe Americans and speakers of Oxford English to acquire a new English standard, perhaps including some features of the Indian English, but the two moments should be marked here, as they are very typical for the Indians' attitude: 1) the Indian English has no less rights to exist than the Oxford and the North American English; 2) the normalizing standards may be or may not be worked out, this is a matter of no importance.

Some respondents' opinion even was that the development of non-native varieties of English was very useful for Standard English itself: '*Non-native Englishes*' are NOT deviant...*They add richness to the original language, help it to grow, and are VERY NATURAL...*'

There are many varieties of 'Non-native Englishes' circulating in India, influenced by speaker's mother tongue, education, social status etc. English of 'gilded youth' of big cities is one of them. It is a very powerful means of self-identification, symbol of high social status. It creates gaps between different social strata in all spheres, including academic domain.

The gap in academic domain will be increasing as the most brilliant students usually choose English as a medium of instruction. S.S. Deol (Deol 2006) made a detailed analysis of social background, language attitudes and motivation for choice of a language for the M.A. degree in English or Punjabi or Hindi. The respondents comprised 253 post graduate students doing M.A. in English/Punjabi/Hindi at the departments of English, Punjabi and Hindi at the Punjab University of Chandigarh, Punjabi University of Patiala and Guru Nanak Dev University of Amritsar. Among those who chose English as the medium of instruction 85,1% respondents belonged to urban population, 14,9% — to rural. The children of the educated parents, the students from the high income families, etc. usually preferred English, not Punjabi or Hindi, as the medium of instruction.

²⁹ Hohenthal A. Op. cit.

The academic research work in humanities is being fulfilled in different languages, but its standards are different. Partially true is the fact that research works in humanities written in Indian languages are of lower standards than those in English. For example, linguistics in Hindi is based upon the traditional terminology which has been coined by Panini and his followers. Terms like, e.g., ‘Minimalist program’, ‘Functional grammar’, ‘telicity’, ‘anti-passive’, etc. are naturally absent in it. Attempts to publish up-to-date linguistic works in Hindi have been undertaken by very few authors who usually write in English. They use Sanskrit terms that have never existed in Panini’s grammar and supply in brackets their English equivalents — like, e.g., ‘dhvanikī’ (phonetics), ‘dhvanimī’ (phonemics), etc. The majority of linguists who write in a traditional manner are absolutely unaware of modern linguistic theories. Similar processes seem to take place also in other fields of humanities.

Concluding remarks

A lot of similarities with Hindi-English bilinguals’ behavior may be found in linguistic behavior of Punjabi-English, Gujarati-English, Bengali-English and of other types of bilinguals in India. This situation is not unique. For instance, the Russian aristocracy in the 18th — the first half of the 19th centuries was using similar type of language mixture — this time of Russian and French; only later there appeared social forces able to overcome this situation.

In almost each European country the rising bourgeoisie first of all made efforts to standardize and promote its mother tongue, to convert it into the main means of communication at all levels and through this to facilitate functioning of their language as the important tool of national formation. The modern epoch of globalization has created new tendency in the processes of national development: ethnic groups usually start language movements when they feel economically and/or politically and/or culturally depressed and hope to gain some privileges deemed to become the successful results of those movements. Very often the main impulse of linguistic movements is the desire of the ‘sons of the soil’ to have more job opportunities in comparison with the migrants. Good examples of such movements are the movement for the official recognition of Rajasthani in Rajasthan, the recently obtained official status of Dogri in the state of Jammu and Kashmir and of Maithili in Bihar. Local educated elite actively participate in language movements, but it does not mean that in case of official recognition social functions of Dogri, Rajasthani or Maithili will increase tremendously or active participants of language movements would like to educate their children in their mother tongue.

If the ‘sons of the soil’ are not interested in improving their economic, political or social status, linguistic movements do not take place. Language

attitudes of Hindi speaking elite in India or Punjabi speakers in Pakistan may serve as a good example of this.

Self-identification on linguistic basis does not mean that the intellectual elite of the society is interested in developing its mother tongue, in reading, writing, educating in this language their children, etc. The fact that the mother tongue plays an insignificant role in their speech repertoire does not bother the most influential members of the Indian society.

In spite of the permanent increase in the number of people identifying themselves as 'native speakers' of various Indian languages and in spite of the role of the official propaganda claiming to provide support to mother tongues and especially to Hindi, the role of mother tongues as tools of expressing intellectual demands of the speakers and of preserving cultural traditions of the society is rapidly decreasing.

The *symmetrical* type of bilingualism of the 'parents', who were able to express themselves both in their 'mother tongues' and in English not only in the field of 'weather talking' but also in cultural domains, is gradually substituted by the *recessive* bilingualism of the younger generation when the mother tongue is used predominantly in everyday life and when the speakers' active vocabulary remains restricted to some 1500 words, connected mostly with concrete notions, while the intellectual concepts are expressed mainly in English.

Culture in general is the domain of human life that is most endangered by the development of this new type of reality that finds expression in a new type of 'mother tongue', the mixed Hindi-English code.

References

- Baldrige J. Linguistic and Social characteristics of Indian English // Language in India: Strength for today and Bright Hope for tomorrow / M.S. Thirumalai & B. Mallikarjun (eds.). Vol. 2:4. June–July 2002. URL: <http://www.languageinindia.com/junjul2002/baldrigeindianenglish.html>
- Bhatt R. Code-switching, constraints, and optimal grammars // *Lingua* 102. 1997: 223–251.
- Brass P.R. Language, Religion and Politics in North India. L.; N.Y.: Cambridge University press, 1974.
- Ervin S.M., Osgood C.E. Language Learning and Bilingualism // *Psycholinguistics. Journal of Abnormal and Social Psychology, Supplement* / Charles E. Osgood and F. Sebeok (eds). Vol. 49. 1954: 139–146.
- Ferguson C.A. Diglossia. *Word* 15, 1959: 325–340.
- Gardner-Chloros P., & Charles R. Subiko welcome (Welcome to everyone): Hindi/English code switching in the British-Asian media. *Birkbeck Studies in Applied Linguistics* 2. 2007: 89–122.
- Gumperz J. Speech variation and the study of Indian civilization // *American Anthropologist* 63. 1961: 976–988.

- Gupta R.* English and Indian languages: Code mixing // English in India: Issues and problems / R. Gupta & K. Kapoor (eds.). Delhi: Academic Foundation, 1991: 207–215.
- Hohenthal A.* English in India. Loyalty and Attitudes // Language in India. Strength for Today and Bright Hope for Tomorrow / M. S. Thirumalai (ed.). Vol. 3:5. May 2003. URL: <http://www.languageinindia.com/may2003/annika.html>
- Kachru B.* Code-mixing as a communicative strategy in India // International dimensions of bilingual education / J. Alatis (ed.). Washington, DC: Georgetown University Press, 1978: 107–124.
- Kachru B.* The Indianization of English. Oxford: Oxford University Press, 1983.
- Kachru B.* The Alchemy of English: The spread, functions and models of non-native Englishes. N.Y.: Pergamon Press Inc, 1986.
- Kumar A.* Certain aspects of the form and functions of Hindi-English code-switching // Anthropological Linguistics. 28. 1986: 195–205.
- Malik L.* Sociolinguistics: A study of code-switching. New Delhi: Anmol Publications, 1994.
- Malhotra S.* Hindi-English code-switching and language choice in urban, upper-middle-class Indian families // Kansas Working Papers in Linguistics / P. Hamel and R. Schafer (eds.). 5. 1980: 39–46 (reprinted 1992).
- Mallikarjun B.* Language according to Census of India 2001 // Language in India: Strength for Today and Bright Hope for Tomorrow / M.S. Thirumalai (ed.). Vol. 1: 2. April 2001. URL: <http://www.languageinindia.com/april 2001 / indiancensus.html>
- Mallikarjun B.* Bilingualism and Census of India 2001: Mother tongue in Census 2001 // Language in India: Strength for Today and Bright Hope for Tomorrow. / M.S. Thirumalai (ed.). Vol. 1:3. May 2001. URL: <http://www.languageinindia.com/april 2001 / indiancensus.html>
- Pandit P.B.* Perspectives on sociolinguistics in India // Language in Society / W.C. McCormac and S.A. Wurm (eds.). The Hague; Mouton, 1979: 171–182.
- Sahgal A.* Patterns of language use in a bilingual setting in India // Second language acquisition: Socio-cultural and linguistic aspects of English in India / R. Agnihotri & A. Khanna (eds.). New Delhi; Sage, 1994: 299–306.
- Schiffman H.* Diglossia as a sociolinguistic situation // The Handbook of Sociolinguistics, Basil Blackwell Ltd. / Florian Coulmas (ed.). 1997: 205–216. URL: <http://www.modlinguistics.com/Sociolinguistics>
- Si Aung.* A diachronic investigation of Hindi-English code-switching, using Bollywood film scripts // International Journal of Bilingualism. Vol.15, issue 4. December 2011: 388–407.
- Singh R.* Hindi-English code-mixing: Some implications for a general theory // Indian Linguistics. 56. 1995: 95–105.
- Singh R.* Linguistic theory, language contact and modern Hindustani: The three sides of a linguistic story. New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers, 1998.
- Trudgill P. & Hannah Jean.* International English: A Guide to the Varieties of Standard English. L.: Edward Arnold, 1994.
- Weinreich U.* Research Frontiers in Bilingualism Studies: Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists. Oslo, 1958: 786–787.

Сведения об авторе: Хохлова Людмила Викторовна, канд. филол. наук, доцент кафедры индийской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: khokhl@iaas.msu.ru

М.М. Репенкова

РОМАНЫ ЭЛИФ ШАФАК КАК ПРИМЕР СТРУКТУРИРОВАННОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ

В статье на основе сопоставительного анализа двух романов турецкой писательницы-постмодернистки Элиф Шафак («Пинхан», 1997 и «Любовь», 2009) доказывается, что постмодернистская ризома¹ жестко структурирована своими собственными базовыми принципами (децентрация дискурса, текстуализация реальности, симуляционность образов, отказ от историзма и т. п.) и реализуется в тексте произведений романистки с помощью стереотипных художественных приемов (путь-инициация героев, «нарративизация» повествования, «дежа вю», параллелизм, гибридное «прошло-настояще-будущее» время и т. п.), которые активно используются и другими турецкими прозаиками-постмодернистами.

Ключевые слова: Элиф Шафак, деконструкция суфийского дискурса, «нарративизация» повествования, метапроза.

The article proves, on the base of the comparative analysis of Elif Shafak's two novels ("Pinkhan", 1997 and "Love", 2009), that post-modernist rizoma has been structured hardly by its own fundamental principles (discourse decentration, reality textualisation, images simulativity, denial of historism, etc.) and is realized in the writer's texts through stereotype artistic devices (charactrs' way-inicialization, recital "narrativization", "déjà vu", parallelism, hybrid "past-present-future time and so on) which are intensively used by other Turkish post-modernist writers.

Key words: Elif Shafak, Sufi discourse de-construction, recital narrativization, metaprose.

Данная статья родилась из размышлений ее автора над беседами с Юрием Владимировичем Щеккой, который утверждал, что все попытки постмодернистов осмыслить мир с помощью ризоматики, децентрации и прочих ухищрений, отрицающих логос, логоцентрическое мышление с его строгой структурированностью, терпят фиаско, поскольку человечество мыслит

¹ Ризома — от франц. rhizome — «корневище, грибница». Понятие «ризомы» связано у постмодернистов с представлением о мире (включая сознание и бессознательное человека) как о бесконечном децентрированном тексте, в котором, как в гигантской грибнице, нет ни центра, ни периферии, в котором «смыслы ветвятся», а каждый элемент находится в постоянном движении и переходит в свою противоположность. Как правило, ризоматический текстовый мир противопоставляется ими миру в традиционном материалистическом («метафизическом») понимании, в котором акцент делается на структурности как самой объективной реальности (древесная структура, строгое движение от корней к вершине), так и наших представлений о ней (человеческое сознание / Трансцендентальное Означающее, постигающее объективный мир и постепенно приближающееся к Истине).

структурно. Стремление постмодернистов противопоставить ризому структуре приводит лишь к появлению в их произведениях ризоматической структуры (антиструктуры) со своими собственными законами, стереотипно переводящими любой знак текстовой системы в его противоположность (антизнак/симулякр). Выводы Юрия Владимировича, на наш взгляд, абсолютно верны и подтверждаются романисткой яркой представительницей турецкой постмодернистской «нарративной» прозы Элиф Шафак.

Ни для кого уже не является секретом то, что постмодернистская словесность борется с любого рода структурой, выдавая образцы произведений-палимпсестов, описывающих ризоматическую текстовую реальность. Казалось бы, подобная реальность как нельзя лучше противостоит привычной всем структурированной, логоцентрической модели мира. Ибо в ризоме всё симуляционно (нереально) и предложено в контексте игры, всё нестабильно и лишено твердых основ (децентрировано), всё «ветвится» и теряет четкие очертания. Однако пристальный взгляд на постмодернистские произведения позволяет выявить в них строгие, структурные принципы, отклонения от которых нарушают саму парадигму означивания постмодернистского «пустого знака» (симулякра), что влечет за собой отход от постмодернизма. Целью данной статьи является демонстрация жесткой структурированности и даже стереотипности постмодернистских произведений на примере творчества известной турецкой писательницы-романистки Элиф Шафак (род. в 1971 г.), представляющей «вторую волну» турецкого постмодернизма, который в 1990–2000 гг. превратился в мейнстрим национальной художественной словесности.

Дебютный роман Э. Шафак «Пинхан/Скрытый/Тайный» [Pinhan, 1997] и ее же нашумевший роман «Любовь» [Aşk, 2009], первоначально написанный и изданный на английском языке, объединяет деконструкция суфийского дискурса, который в обозначенных романах представлен в основном цитатами и цитациями² из произведений средневековых поэтов-суфиев (Аттар, Джеляледдин Руми/Мевляна, Юнус Эмре, Шейх Галиб, ашук Чевлани и др.), а также постоянными отсылками к знаменитой поэме Джеляледдина Руми «Месневи-и Маневи»³. Деконструкция дискурса, будь то малого (например, су-

² Цитаты и цитации, по мнению известной постструктуралистки Ю. Кристевой, разработавшей теорию «интертекста» и «интертекстуальности», не являются синонимичными понятиями. Интертекст в ее понимании — это пространство схождения всевозможных цитаций. Предметом цитаций, в отличие от цитат, являются всевозможные дискурсы (пропагандистские, научные, бытовые и т. п.), из которых состоит культура и под влияние которых попадает любой создаваемый текст (см.: Репенкова М.М. Вращающиеся зеркала. Постмодернизм в литературе Турции. М., 2010. С. 22–23).

³ Например, в романе «Любовь», который имеет рамочную композицию (роман в романе), автор вставного романа «Шерият любви» А.З. Захара в предисловии к рукописи прямо указывает на то, что все главы его произведения начинаются в буквах «Б», как и большинство глав «Месневи» (см.: Şafak E. Aşk. İstanbul, 2012. S. 35).

физм) или большого (например, религия⁴), называемого постмодернистами «метанарративом» или «дискурсом легитимации», является неотъемлемым условием любого постмодернистского произведения. Цель подобной деконструкции, а иначе говоря, демифологизации — показать рационально-тоталитарную сущность обозначенных дискурсивных практик, «стирающих», уничтожающих личность человека, превращающих его в симуляцию человека, в «пустой знак». В контексте постнеклассической постмодернистской философии⁵ процедура деконструкции нацелена на развенчание любой из форм логоцентрического сознания (Трансцендентального Означаемого), постигающего окружающий мир. Для постмодернистов не существует ни реальности, ни познающего ее человека, иными словами ни объекта, ни субъекта познания, существует же лишь сплошной, безбрежный текст, в котором объект и субъект постоянно, меняясь местами, переходят друг в друга.

Э. Шафак не делает открытий в деконструкции суфийского дискурса. Практически все крупные турецкие писатели-постмодернисты (О. Памук, М. Мунган, Б. Карасу, Н. Эрай, И.О. Анар и др.) травестийно обыгрывают наиболее известные положения суфизма: поиск Истины/Бога в самом себе, человек — целый мир, слово — главный инструмент в познании Истины и т. п., вырабатывая при этом собственные стереотипы. Так, познание в себе Истины/Бога/целого мира оборачивается в постмодернизме потерей собственной индивидуальности, осознанием себя «чужим» текстом, симулякр-пустотой и гибелью. Объектом едких нападок у писателей-постмодернистов традиционно становятся отношения Джемаледдина Руми и странствующего дервиша Шемси Тебризи. Травестия их духовной связи сводится к стереотипной дискредитации и опошлению личности того и другого, к выявлению их гомосексуальных наклонностей. Попытка разобраться в проблеме того, почему наряду с религиозным и кемалистским метанарративами именно суфизм столь настойчиво выносятся турецкими писателями на острие постмодернистского язвительного низвержения и обыгрывания, приводит к следующему выводу: как ни странно, суфизм наиболее созвучен постмодернизму в определении взаимоотношений человека с его окружением. И в суфизме, и в постмодернизме нет разделения на человека и мир,

⁴ Под религиозным дискурсом постмодернисты, как правило, подразумевают дискурсы трех монотеистических религий — иудаизма, христианства, ислама.

⁵ «Постнеклассическая философия» — устоявшийся термин, используемый в современных философских, культурологических и литературоведческих исследованиях. Под ним подразумевают сложный философский комплекс, который включает постструктурализм, постфрейдизм, деконструктивизм, постмодернизм. Постнеклассическая философия отличается нетрадиционными трактовками базовых философских проблем, обосновывая, таким образом, переход человечества к культуре нового типа (посткультуре).

существующий вне человека. Это, видимо, сильно раздражает постмодернистов, заставляя их постоянно отмежевываться, в игровых пародиях «проговаривать» собственную позицию, заключающуюся в отказе от человека как центра, вместилища Вселенной и человеческого сознания, которое мыслит словами и которое наиболее приближено (согласно философии суфизма) к Божественной Истине/Истине-Центра/Истине-Начала, т. е. (согласно постмодернистской философии) к На Все Вопросы Отвечающему Референту или Трансцендентальному Означаемому.

Деконструкция суфийского дискурса в романах Э. Шафак осуществляется, как и у других турецких писателей-постмодернистов, путем наложения известнейших положений (кодов) суфизма на коды «низкой» словесности: в романе «Пинхан» — это коды волшебной сказки, в романе «Любовь» — это коды массовой литературы XX–XXI вв. (в основном дамского романа). При подобном совмещении несовместимых кодов суфийский поиск Божественной сущности в самом себе превращается в поиск собственной истории жизни (у средневекового юноши-дервиша Пинхана) и в поиск плотской любви (у современной американской домохозяйки Эллы Рубинштейн). Путь Пинхана к собственной истории сопровождается его уходом из дервишеской обители-текке Дюрри Бабы и путешествием в средневековый Город городов Стамбул. По дороге к своей цели юноша разговаривает с рекой и таинственной дверью, встречается с птицами, змеями и муравьями, понимающими язык людей, зловещим карликом, джиннами и знахарками-гадалками из сказочного стамбульского квартала, имеющего странное двойное название — старое мужское Акреп Ариф и новое женское Накш-и Нияяр⁶.

Путь Эллы к «любви всей своей жизни» проходит через прочтение ею (в качестве рецензентки) рукописи романа «Шериат любви» таинственного автора Азиза А. Захары, в котором излагается история встречи, развития отношений и разлуки Джелиледдина Руми со странствующим дервишем Шемси Тебризи, формулирующим сорок правил суфийской любви к Богу, а по сути история превращения ученого-богослова Джелиледдина Руми в поэта-суфия Мевляну. Изменение жизненной позиции Руми нарушает привычный уклад его жизни. Он прекращает проповедническую деятельность в мечети, отдаляется от родных и близких ему людей. Ряд обстоятельств таких, как разлад Мевляны с женой Керрой, смерть любимой приемной дочери Кимьи, которую он самолично выдал замуж за Шемси, внезапное исчезновение странствующего дервиша из Коньи, подозрения в предательстве (в убийстве Шемси) младшего сына Аладдина, приводят семью великого поэта-суфия к распаду.

⁶ См. ниже об именах мужчины Акрепа Арифа и женщины Накш-и Нияяр.

Рукопись романа потрясает сорокалетнюю американку. Особый отклик в ее душе оставляют правила любви Шемси Тебризи, заставляя женщину задуматься над собственной жизнью. Прежняя замужняя жизнь Эллы проходила в достатке и благополучии. В ней был свой строго рассчитанный порядок и свои правила, которым она старалась неукоснительно следовать. Выполнение-невыполнение правил скрупулезно фиксировалось в ее еженедельных записях: «Стань более организованной, сделай более упорядоченным свое времяпрепровождение, купи новый ежедневник. (Выполнено!)»

Сядь на диету, ограничь себя в масле, сахаре, муке и соли, добавь в ежедневный рацион минералы и антиоксиданты. (Выполнено!)

Начни бороться с морщинами. Используй альфа-гидроксидные кислоты, интенсивнее применяй новый крем “L’Oreal”. (Выполнено!)...»⁷.

Роман А. Захары изменяет героиню. Ставшая столь привычной тихая семейная жизнь перестает ее удовлетворять. Теперь Эллу оскорбляют измены мужа, на которые она прежде «ради семьи» старалась не обращать внимание. Она начинает болезненно относиться к безразличию по отношению к ней уже выросших детей. Героиня влюбляется в автора романа.

И в романе «Пинхан», и в романе «Любовь» пути героев к своим целям можно рассматривать как пути их инициации. Но конец инициационного пути для Пинхана и Эллы печален⁸. Постигание собственной тайны, собственной истории для юноши Пинхана оборачивается разоблачением его как гермафродита квартальными старухами-знахарками и как злого многоликого джинна Кепоза маленькой девочкой Неврес, живущей в том же квартале, что и знахарки. Знахарки заманивают его в квартальную баню, «превращают» безволосого дервиша Пинхана в женщину с длинными волнистыми волосами, после чего герой/героиня погибает. Элла через интернет-переписку, затем и при личной встрече знакомится с Азизом Захарой, узнает о том, что он шотландец по происхождению, принявший ислам и ставший суфием. Азиз приезжает к Элле в Бостон, они тайно встречаются в отеле, а затем любовники уезжают в Конью, где Азиз вскоре умирает от рака, оставив героиню в полном отчаянии и одиночестве.

Другим неотъемлемым элементом структуры постмодернистского произведения является текстуализация реальности. Турецкие писатели используют для этого два стереотипных художественных приема. Первым из них является насыщение текста историями-рассказами, переходящими друг в друга, что характерно для

⁷ Şafak E. Aşk. S. 149.

⁸ Путь-поиск / путь-инициация является стереотипным художественным приемом любого постмодернистского произведения в литературе Турции.

постмодернистов-«нарративистов» (И.О. Анар). Вторым — создание метапрозы, метаповествования с «рамочным» построением. В «рамке», как правило, речь идет о написании или публикации «внутреннего» романа. Сюжетика рамки обязательно переплетается с коллизиями «внутренних» сюжетных линий, заставляя автора, написавшего «внутренний» роман, превращаться в его героя (О. Памук, Н. Эрай, П. Кюр). В анализируемых романах Э. Шафак используются оба приема.

В романе «Пинхан» текстуализация реальности достигается путем введения в повествование от третьего лица бесчисленного количества историй о жизни разных персонажей, с которыми Пинхан встречается на своем пути к собственной истории (дервиши из обители-текке Дюрри Бабы; жители квартала Акреп Ариф / Накш-и Нигяр — продавец сплетен и раки Джевизджи Тахир, хромая девочка Неврес, семь старух-знахарок, продавец гашиша и сводник Джудже Джафер, мальчик-танцовщик Каранфиль Йоргаки и т. п.). Истории представляются либо от третьего лица, либо от лица рассказывающего. Но есть в романе и истории другого плана. В них повествуется о судьбе дервишеских обителей-текке (текке Дюрри Бабы, текке Хезарпаре Хорозбабы), о судьбе квартала Акреп Ариф/Накш-и Нигяр (история его двойного названия, история строительства в нем знаменитой на весь город бани и гробницы с покрывалом и т. п.).

Э. Шафак в романе «Пинхан» постоянно подчеркивает, что город Стамбул — это безбрежный текст с переплетающимися историями. Текстовая составляющая квартала Акреп Ариф/Накш-и Нигяр актуализируется и тем, что в квартал ведут четверо ворот, представляющих буквы арабского алфавита. Каждая из букв на воротах готовит свое испытание (инициацию) для квартальных юношей. После того, как они проходят испытание страхом, предательством, вином, правилами благовоспитанности, крепким словом (ругательством)⁹, их начинают называть «мимдарами» (вместилищами для буквы «мим»¹⁰). Жители квартала имеют привычку вообще всему постоянно давать названия. Например, однажды они дают новое название самому кварталу, после чего их начинают преследовать несчастья. Поговаривают, что душа квартального авторитета Акрепа Арифа, который в незапамятные времена позволил назвать квартал своим именем, обиделась и начала мстить жителям, изменившим его памяти, выбрав для себя новое имя в честь умершей богатой девушки Накш-и Нигяр, которая построила им баню. В конце романа Пинхан именно в квартале Акреп Ариф/Накш-и Нигяр, приходит к пониманию того, что город и квартал с

⁹ См.: *Şafak E. Pinhan. İstanbul, 2006. S. 82–87.*

¹⁰ «Мим» — буква арабского алфавита.

их буквами и историями являются его собственным телом (переулки — его вены, торговые лавки — его внутренние органы)¹¹, что они со всеми своими историями — его собственная плоть и кровь, что он — человек-город, человек-квартал: «Они у меня внутри. Они от меня не отличаются, они от меня неотделимы»¹². Пинхан понимает, что ему больше не следует никуда идти в поисках своей собственной истории, что ее попросту не существует, поскольку он состоит из множества чужих историй¹³. Разнородная множественность внутри Пинхана подчеркивается его двуполостью.

Текстуализация реальности в романе «Любовь» определяется метаповествованием. Элла и автор романа Азиз Захара «Шериат любви» сами «входят» в роман, «живут» в нем так, что отделить реальность от текста не представляется возможным. Поэтому рассказ о знакомстве, дружбе и любви Джелялеddина Руми и Шемси Тебризи переплетается с историей знакомства и любви рецензента романа Эллы и автора романа Азиза. В ракурсе двух любовных историй дружба Руми и Шемси приобретает гомосексуальный оттенок, что значительно снижает код суфийской Божественной любви.

В отличие от романа «Пинхан» в романе «Любовь» нарративность повествования выражена более ярко. Если в «Пинхане» доминировало повествование от третьего лица, то в «Любви» повествование ведется от лица разных рассказчиков, участников романного действия. Только жизнь Эллы подается в рассказе безличного повествователя, т. е. от третьего лица. О ее жизни становится известно то, что в мае 2008 г. ей исполнилось сорок лет, что она имеет мужа Дэвида (преуспевающего дантиста), троих детей (старшую дочь Дженет — студентку колледжа, младших близнецов-школьников — мальчика Ави и девочку Орли), что семья Эллы крепкая, что живут они недалеко от Бостона (в Бостоне тоже имеют квартиру) в городке Нортгемптоне, что Элла в свое время получила степень бакалавра по английской литературе, но никогда в жизни не работала, что лишь теперь, когда дети выросли, она устроилась на работу в литературное агентство. Первым заданием для Эллы в агентстве и стало написание рецензии на роман неизвестного автора «Шериат любви». В процессе переписки Эллы с Азизом выясняется, что семья у нее ни такая уж и крепкая, что муж ей изменяет, а она ему прощает измены, что дети знают о неискренности родителей и поэтому не уважают их, что вся ее жизнь, переполненная ожиданиями любви, проходит, таким образом, впустую.

¹¹ *Şafak E.* Op. cit. P. 211.

¹² *Şafak E.* Op. cit. P. 209.

¹³ Данное положение романа коннотирует представление о суфийском поиске истины в самом человеке, вызывает аллюзии на творчество персидского поэта-суфия Аттара (XII в.) и турецкого поэта-суфия Шейха Галиба (XVIII в.).

Жизненная история Азиза рассказывается Элле им самим в трех его интернет-посланиях к героине¹⁴, а затем и при личной встрече в бостонском отеле¹⁵. Каждый период жизни он связывает с одной из букв в слове «суфий», что также текстуализирует его жизнь. Автор «Шериата любви» родился в семье Крэга Ричардсона в Кинлохберви, прибрежной шотландской деревушке. В двадцать лет влюбился в голландку Маргот, представительницу революционно настроенной молодежи конца 1960-х — 1970-х годов, путешествующую с друзьями по Европе. Молодые люди поженились и переехали жить в Амстердам, но через несколько лет Маргот случайно и нелепо погибает под колесами трейлера. Безутешный вдовец оказался не в состоянии продолжать свою тщательно спланированную карьеру в известной европейской компании, его жизнь пошла прахом. Он потерял престижную работу, дорогую квартиру, пристрастился к наркотикам и общению с проститутками, пытался покончить жизнь самоубийством. В 1977 г. он отправился работать фотографом в Северную Африку, где поддался идее одного приятеля стать первым западным фотографом, посетившим Мекку и Медину. Но поскольку сделать это можно было только с помощью одной суфийской общины, он, не задумываясь, пришел в нее. Общение с главой общины Баба Самедом очень изменило героя — он перестал употреблять наркотики, принял мусульманство, отказался от идеи заработать деньги на святынях мусульман и, наконец, сам стал суфием. Баба Самед настойчиво ему повторял о его сходстве со странствующим дервишем Шемси Тебризи. Отметим, что ощущение «дежа вю»/«уже было» — неотъемлемое свойство произведений всех турецких писателей-постмодернистов. Особенно наглядно это отражается в романном творчестве Назлы Эрай¹⁶.

С принятием суфизма автор романа поменял и свое имя, он стал Азизом. С тех пор он «путешествовал по миру, будучи фотографом по профессии и странствующим дервишем по зову души»¹⁷. В пятьдесят два года у него обнаружили рак. Зная, что ему осталось жить недолго, он отошел от активной проповеднической жизни, загорелся идеей написать роман и послать его в американское агентство. В пятьдесят четыре года он осуществил свои намерения, получил электронное послание от загадочной дамы из Бостона (Эллы), в которую неожиданно для себя влюбился как мальчишка.

¹⁴ См.: *Şafak E. Aşk*. S. 261–265, 280–284, 287–291.

¹⁵ *Şafak E.* Op. cit. P. 389.

¹⁶ См.: Репенкова М.М. Вращающиеся зеркала. Постмодернизм в литературе Турции. С. 166–187.

¹⁷ *Şafak E. Aşk*. S. 388.

Одним из обязательных компонентов романной структуры Э. Шафак является параллелизм¹⁸. В романе «Пинхан» это параллельное развитие двух историй — мальчика-гермафродита Пинхана и хромой девочки-сироты Неврес. Неврес очень отличается от остальных жителей «рационального квартала»¹⁹ Акреп Ариф / Накш-и Нигяр, в котором с момента рождения человека до самой его смерти всё происходит согласно буквам строго установленных правил и предписаний. Лишь Неврес не желает подчиняться этим правилам. Поэтому она всегда изгой, всегда одна. Она живет в своей воображаемой жизни. Для нее, например, сны являются реальностью, а реальность — снами. Неврес не верит в существование времени, в то, что оно движется к лучшему будущему. Во всем, что с ней происходит в настоящем, она ощущает присутствие «уже было». Понимание Неврес мира основано на его зыбкой переменчивости, на взаимопереходе форм друг в друга, на отсутствии незыблемой Истины. При чтении романа трудно определить, является ли происходящее с Неврес реальностью или это лишь плод ее воображения. Поэтому и встреча Неврес с Пинханом на одной из квартальных улиц также может рассматриваться лишь выдумкой девочки, настаивающей на том, что «безволосый дервиш, одетый во всё черное» на самом деле джинн Кепоз, которого знахарка квартала Исмиханкадын когда-то спасла из табакерки и шилом привязала к себе. По мнению девочки, Кепоз постоянно меняет внешность, выступая то авторитетом Акрепом Арифом, то безволосым юнцом-дервишем, то еще кем-нибудь. Неврес вытаскивает шило из его левого рукава и освобождает джинна из плена знахарки. С этого момента авторитет/джинн и начинает мстить кварталу за свое многолетнее рабство, за неуважение к себе и неблагодарность людей, навлекая беды на его жителей (у них рождаются дети с шестью пальцами, с длинными густыми бровями, с одиннадцатью зубами; с неба сыплются тучи черных муравьев, попадая людям в глаза, уши, рот, кусая их и делая их жизнь невыносимой и т. п.).

Параллелизм двух миров — реального и нереального — заставляют фигуры героев романа «Пинхан» терять четкие очертания и двоиться (двуполость Пинхана), принимать зооморфные (похожесть Пинхана на змею и даже «слияние» дервиша и змеи в зеркале) и сказочно-волшебные (Пинхан — джинн) черты, «мерцать» друг в друге (Пинхан и Неврес постоянно переходят один в другого, поскольку Неврес считает, что она придумала Пинхана, а Пинхан

¹⁸ Подробнее о проблеме параллелизма в творчестве Э. Шафак см.: Репенкова М.М. Трансформация национально-культурного компонента в романе Элиф Шафак «Отец выродок» (2006) // Российская тюркология. М.; Казань, 2013. № 1.

¹⁹ Şafak E. Pinhan. S. 199.

считает, что Неврес со всем ее кварталом — это и есть он сам, т. е. текст, чужие истории). Именно параллелизм делает фигуры персонажей симуляционными, «пустыми знаками» со скользящими означаемыми.

Параллельный показ двух миров — реального/рационального и нереального/иррационального — помогает Э. Шафак показать, как рациональное общественное начало активизирует иррациональную, темную глубину человеческой души, как заставляет из нее вырастать джиннов, которые приводят людей к коллективным психозам (жители квартала, усмотрев связь «греховной», «падшей женщины» Хоккагюлю Ифакат с темными силами зла, обрушивают на нее свой гнев и огромной толпой штурмуют ее дом, едва не убив несчастную; знахарки, фактически руководящие жизнью квартала, заманивают Пинхана в баню и убивают его, а точнее, «высекают» из него себе подобного однополого человека, который оказывается нежизнеспособным).

Параллелизм в романе «Любовь» представлен в более сложной форме, во временном параллелизме, на котором акцент в романе «Пинхан» практически не делался. Рассказ о развитии отношений Эллы и Азиза (май 2008 — сентябрь 2009 гг.) ведется параллельно с рассказом о развитии отношений Руми и Шемси (1242–1260). Потому создается впечатление, что оба действия происходят одновременно, что рецензент романа Элла и его автор Азиз сами «входят» в роман и принимают участие в его коллизиях. Так Э. Шафак лишает настоящее своей центрирующей роли, уравнивает его на плюралистических началах с прошлым и будущим, создав гибридное «прошло-настояще-будущее» время. Отметим, что и это типичный прием, ставший практически стереотипом у всех турецких писателей-постмодернистов. Этим они лишают время его линейной последовательности и детерминированности, заставляют двигаться вспять, по кругу, решительно отвергая принцип историзма. Подобный временной параллелизм приводит к тому, что в Элле — представительнице рациональной ячейки современного американского общества, т. е. благовоспитанной семьи, в которой муж и жена десятилетия жили по этим же обществом установленным правилам, вдруг начинает «мерцать» сначала длинноволосый автор романа «Шерият любви», а через него и его герои — ученый/поэт Руми и «одетый в черное», «сам дьявол во плоти»²⁰ Шемси, что и толкает Эллу на уход из семьи. С точки зрения рационального общества — это поступок «безумный и необдуманный», а с точки зрения Эллы, осознавшей в себе других людей, не похожих на нее саму — это единственно возможный выход из жизненного тупика, в который она попала.

²⁰ Şafak E. Aşk. S. 313.

Подводя итог сказанному выше, следует отметить, что главным свойством ризоматической структуры в романах Э. Шафак, как и других турецких писателей-постмодернистов, является текстуализация реальности и перевод текстовых знаков в их противоположность путем травестийного обыгрывания. Поэтому всё «высокое» превращается в «низкое» (суфийский дискурс в волшебную сказку, в дамский роман; духовное — в физиологическое/телесное²¹; Истина — в Не-Истину, в пустоту), а всё единичное распадается, становится множественным. «Распадается» человек, становясь двуполым существом, теряющим человеческий облик. «Распад» человека доходит до максимальной точки, до его полного уничтожения (стирание индивидуальности, смерть). «Распадается» семья, в которой традиционные отношения мужчины и женщины превращаются в симуляцию любви (роман «Любовь»), замещаются однополый любовью (романы «Пинхан», «Любовь»). «Распадаются» и другие, более крупные формы совместного существования людей такие, как квартал, город. Мятащееся между двумя названиями сознание жителей стамбульского квартала оказывается побежденным их бессознательными инстинктами, вызывающими коллективные психозы. «Распадается» реальность, переходя в нереальность (в «Пинхане» — это волшебный, сказочный мир, а в «Любви» — это романтический мир). «Распадается» линейное время, становясь фрагментарно-разорванным, движущимся не по прямой в будущее, а по кругу в прошлое.

Изучение постмодернистских романов Э. Шафак равно, как и других турецких писателей-постмодернистов, доказывает, что осмыслить реальность вне структуры, вне логоса, вне логоцентрического сознания, данного человеку от его природы, совершенно невозможно. В связи с этим попытки постмодернистов создать новую философию жизни, отличную от прежней «метафизики», и новую литературу, опирающуюся на эту философию, выглядят совершенно неубедительными.

Список литературы

- Репенкова М.М. Вращающиеся зеркала. Постмодернизм в литературе Турции. М., 2010.
- Репенкова М.М. Трансформация национально-культурного компонента в романе Элиф Шафак «Отец и выродок» (2006) // Российская тюркология. М.; Казань, 2013. № 1.
- Şafak E. Pinhan. İstanbul, 2006.
- Şafak E. Aşk. İstanbul, 2012.

Сведения об авторе: Репенкова Мария Михайловна, докт. филол. наук, доцент кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: mmrepenkova@rambler.ru

²¹ В обоих романах судьбоносные события для героев происходят в бане или на кухне, т. е. в местах удовлетворения физиологических потребностей человека.

Ю.А. Дрейзис

ЭЛЕМЕНТЫ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПОЭТИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЮЙ ХУА И ВЛАДИМИРА СОРОКИНА

В статье рассматриваются «точки соприкосновения» в творчестве таких авторов, работающих в русле постмодернистских и авангардных тенденций, как Владимир Сорокин и Юй Хуа. Анализ ведется с точки зрения общих онтологических оснований их творчества, эстетических ориентиров писателей и их непосредственной реализации в текстах произведений разных лет. При этом выявляются устойчивые комплексы с явным преобладанием художественных феноменов гротеска и абсурда.

Ключевые слова: Юй Хуа, китайская литература, постмодернизм, Сорокин, абсурд, гротеск.

The paper centers on finding a “common ground” in the works of such authors working in the mainstream of postmodern and avant-garde trends as Vladimir Sorokin and Yu Hua. The analysis is conducted from the point of view of the general ontological foundations of their works, their aesthetic guidelines and the immediate implementation of afore-mentioned in the textual reality. Thus stable complexes with a clear predominance of artistic phenomena of the grotesque and the absurd are revealed.

Key words: Yu Hua, Chinese literature, Sorokin, postmodernism, absurd, grotesque.

Одной из актуальных тем в литературоведческих изысканиях последних лет предстает анализ постмодернизма, представляющего собой структурно сходные явления в мировой общественной жизни и культуре второй половины XX в. Как отмечает И.С. Скоропанова, «термин “постмодернизм” до настоящего времени *не устоялся окончательно* и применяется в области эстетики и в литературной критике наряду с терминами “постструктурализм”, “поставангардизм”, “траснавангард”, “искусство деконструкции” и совершенно произвольно»¹. В связи с этим интересным представляется проследить реализацию элементов постмодернистской поэтики в творчестве авторов, принадлежащих к разным литературным традициям.

В данной статье речь пойдет о Юй Хуа и Владимире Сорокине. Творчество этих писателей было выбрано в качестве материала для сопоставления по ряду причин. Будучи практически ровесниками,

¹ Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. М., 2001. С. 9.

оба автора начали свой художественный поиск в 1980-е годы, когда на волне «смягчения» режима (перестройка в СССР, кампании середины 1980-х в Китае), деконструкции жесткой авторитарной системы и ее трансформации (перехода к демократии в России и рыночному госкапитализму в КНР) в культуре обозначились постмодернистские тенденции.

Писатели современной КНР, как и постсоветской России, восприняли философию постмодерна с Запада как мощное подспорье для эстетического обновления искусства слова. К числу этих авторов, ярко заявивших о себе на литературной сцене незадолго до событий на площади Тяньаньмэнь 1989 г., относится и писатель Юй Хуа (1960 г. рожд.). Его творчество характеризуется типичной для постмодерна установкой на децентрализацию дискурса, ностальгией по примитиву, одержимостью разоблачением лжи истории и глубоким разочарованием в идеях поступательного хода, прогресса и просвещения.

Владимир Сорокин же традиционно считается одним из самых радикальных писателей постмодернистского направления в России². Самодостаточность эстетического эксперимента, его идеологическая неангажированность, равно как и исследование властного, «авторитарного» характера любого дискурса имеет для писателя принципиальное значение. Эти особенности творчества двух авторов задают основу выявления общих для их творчества элементов постмодернистской поэтики.

Отметим, что обычно исходной посылкой для рассмотрения литературы постмодерна является отделение всего сложного комплекса постмодернистских взглядов на проблемы действительности от более узкого литературоведческого подхода, который в европейской практике базируется на поиске отличий и разрыва с традицией модерна (Д. Фоккема³). Однако применительно к ситуации в Китае такой подход проблематичен, в связи со сложностью выделения национального литературного достояния, сходного по форме и структуре с высоким модерном Европы, России и США, что было отмечено в работе Е.А. Завидовской⁴. Специфика исследования проявлений постмодернизма в китайской литературе

² См.: Курицын В.Н. Владимир Сорокин // Современная русская литература с В. Курицыным. 2000. URL: <http://www.guelman.ru/slava/writers/sorokin.htm> (дата обращения: 21.03.2013); Немзер А.С. Не всё то вздор, чего не знает Митрофанушка. Официальный сайт Владимира Сорокина. 1999. URL: <http://www.srkn.ru/criticism/nemzer.shtml> (дата обращения: 21.03.2013); Андреев Л.Г. Чем же закончилась история второго тысячелетия? // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000–2000. М., 2003.

³ Fokkema D.W. *Approaching Postmodernism*. Amsterdam, 1986. P. 35, 46.

⁴ См.: Завидовская Е.А. Постмодернизм в современной прозе Китая: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.

заключается в расширенном подходе к понятию, что требует учета взаимодействия теорий постмодернизма с историей, идеологией и культурной традицией страны. Приемы и мировоззрение модернизма, навеянные иностранными произведениями, видоизменяются не только под влиянием специфики Китая, но «постмодернизируются» в результате осознания модерном своей незавершенности и внутренней противоречивости. Американский исследователь Тан Сяобин определяет постмодернизм в Китае как «остаточный модернизм» (residual modernism)⁵. Это отражает синтетический характер постмодернизма в Китае.

В качестве аналога китайской ситуации может быть использована концепция «восточного постмодернизма», отличного от западного, предлагаемая И.С. Скоропановой. Она отмечает, что «произведения представителей восточной модификации постмодернизма (речь идет о России и Восточной Европе. — Ю.Д.) более политизированы, включают в себя в качестве одного из деконструируемых языков язык социалистического реализма, лже-соцреализма, рассматриваемый как язык массового искусства»⁶, характеристика «русского постмодернизма» М. Берга также может быть применима к ситуации в Китае.

Одним из главных принципов постмодернистской поэтики выступает *нереализм* как освобождение от дискурса-гегемона. Явления, которые по формальным признакам не могут быть причислены к реализму, представляют образцы сложного сплетения нескольких методов, оказываются на стыке жанров, по содержанию дистанцируются от идеологии центра (государства). Отсюда проистекает обращение к ярко выраженным нереалистическим техникам повествования, мифотворчество, конструирование реальности, демонтаж образов истории. Постмодернизм в литературе находит выражение в виде слияния элементов «чистой» и массовой литературы, утверждения телесности и чувственности индивида, смешения кодов и знаков идеологии, рынка, масскульта. Изменение угла литературы от «внешнего» (общественного) к «внутреннему» (индивидуальному) приводит к переосмыслению писателями законов действительности. Литературный постмодернизм реализуется через посредство экспрессивных средств и тропов — важную роль в литературе начинают играть ирония, гипербола, абсурд, гротеск.

Большая часть того, что перечислено, может быть найдена и в творчестве Юй Хуа и В. Сорокина. Двух авторов, находящихся в фокусе нашего анализа, объединяют прежде всего общие аксиологические основания их творчества. По мнению самого В. Сорокина, его

⁵ Tang Xiaobing. Chinese Modern: The Heroic and the Quotidian. Durham & London, 2000. P. 211.

⁶ Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. М., 2001. С. 71.

интересуют не столько узкоспециальные проблемы смыслопорождения, сколько *онтологическая проблема существования зла*⁷. Исследуя природу зла, он обращается к травмирующему воздействию как наиболее характерному его проявлению. По общему мнению критиков, Юй Хуа также одержим изображением жестокости: его стиль с самого начала характеризуется «экстремальным зримым насилием»⁸. Говоря о феномене, Сорокин имеет в виду не только физическое и психологическое, но и так называемое дискурсивное насилие⁹. Произведения Юй Хуа также составляют стратегически важную реакцию на кризис самопознания культуры, целью которой служит попытка интерпретировать подспудно присущий художественному представлению характер принуждения, явно подаваемый читателю. Она представляет собой иллюстрацию того, как «история, культура и язык взаимодействуют с нашей кажущейся врожденной способностью к жестокости и жестокосердием, создавая политическое насилие»¹⁰.

Юй Хуа обращается не только к изображению жестокости в попытке обнаружить злоупотребление властью на протяжении всей китайской истории, но и к насилию над языком, дабы подвергнуть сомнению саму рациональность языка. Именно в этом ярче всего проявляется тенденция к *нереализму*. Особенно выпукло она обозначена в повести «1986 год» (*1986 нянь*, 1987), написанной через десять лет после завершения «культурной революции». Повествование, чередующее галлюцинацию (восприятие умалишенного) и реальность, структурировано вокруг серии наказаний, представляющих травматическое воспоминание героя о «культурной революции»¹¹. Описание действий сумасшедшего крайне наглядно и гротескно. В его сознании царит шизофренический разлад между садистом и мазохистом. Его извращенность выглядит как узурпация монополии государства на легитимное использование физической силы по отношению к индивиду.

Предметно-изобразительное насилие проявляется в беспорядочности (или новом порядке) повествования. Ниспровергающий подход Юй Хуа к нормативным категориям истории, памяти, языка и т. п. находится в оппозиции к философии Просвещения с ее страстной убежденностью в рациональности индивида и его осо-

⁷ См.: *Марусенков М.П.* Абсурдопедия русской жизни Владимира Сорокина: заумь, гротеск и абсурд. СПб., 2012. С. 10.

⁸ *Wedell-Wedellsborg A.* One Kind of Chinese Reality: Reading Yu Hua // *Chinese Literature: Essays, Articles, Reviews*. 1996. N 12. P. 137.

⁹ *Сорокин В.Г.* Текст как наркотик: интервью // *Сборник рассказов*. М., 1992. С. 121.

¹⁰ *Jones A.F.* Translator's Postscript // *The Past and The Punishments: Eight Stories (Fiction from Modern China)*. Honolulu, 1996. P. 271.

¹¹ *Юй Хуа.* Сяньши и чжун (В своем роде реальность). Шанхай, 2004.

бом месте в истории. Единство телесного насилия и огрубленного художественного представления разрушает установки гуманизма, базирующиеся на рациональном сознании и предсказуемости языка, которые используются для понимания мира и для формирования утверждений о нем.

Датская исследовательница А. Веделл-Веделлсборг выдвигает версию, что заключительная сцена повести «В своем роде реальность» (*Сяньши и чжун*, 1987), где тело героя подвергается полному расчленению и превращается анатомами в ничто, наделена особым смыслом: «Их беспристрастная работа по расчленению похожа на отношение рассказчика к героям». Читатель понимает, что всё осознанное им в этой повести подвергается полной деконструкции. «Мы можем трактовать эту сцену не просто как метафору самого текста, но — более того — это усмешка в адрес читателя, читатель подвергается не расчленению, а метафоризации. Вскрытие метафоры восстанавливает рассказ, сам рассказ это тоже метафора. Метафора иронически накладывается на метафору и включает читателя»¹². В. Сорокин также неоднократно акцентирует «дистанцированное отношение и к произведению, и к культуре в целом», «“невлипание” в текст»¹³. По словам писателя, его произведения сближает с концептуальным искусством «метод отстранения, дистанции с текстовым материалом, безличностное письмо»¹⁴.

Так проявляет себя общая для Юй Хуа и Сорокина установка — настрой на стилистическую полемику с традициями литературы классического реализма и соцреализма. Натуралистические описания сексуальных сцен, физиологических отправлений, причинения травм, обширное включение обсценной лексики призваны восполнить нехватку телесности в литературе. Заполняя эту лакуну «запахом пота, движением мышц, естественными отправлениями»¹⁵, Сорокин, в частности, обнажает нелепость «имперских» притязаний высокой литературы, не сумевшей совладать с основной своей задачей: адекватно и всесторонне отразить действительность. Отсюда проистекает бескомпромиссное разведение сфер этики и эстетики, за которое Сорокина часто обвиняли в постыдном равнодушии к добру и злу¹⁶, а Юй Хуа — в «низкопробности» и «нереалистичности»¹⁷.

В результате онтологическая проблема существования зла увязывается с проблемой соотношения литературы и действи-

¹² Wedell-Wedellsborg A. Op. cit. P. 129.

¹³ Сорокин В.Г. О Евгении Харитонове: интервью // Митин журнал. 1990. URL: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj32/sorokin.shtml> (дата обращения: 25.03.2013)

¹⁴ Сорокин В.Г. Я в совок опять не хочу. И в андерграунд тоже: интервью // Известия. № 136. 2005. 5 авг. С. 14.

¹⁵ Сорокин В.Г. Убойное сало: интервью // МК-Воскресенье. 2002. № 28. С. 4.

¹⁶ См.: Немзер А.С. Указ. соч.

¹⁷ Ду Шивэй. Гэй Юй Хуа ба я (Выдирая зубы Юй Хуа). Бэйцзин, 2006.

тельности, так как неразличение тела и текста в представлении писателей-постмодернистов служит одним из главных источников насилия. Наиболее подходящим средством для осуществления десакрализации литературы становится абсурдистская поэтика, основанная на принципе остранения. Отметим, что тема чудовищности окружающего мира, регулярно возникающая в интервью¹⁸ и творчестве¹⁹ Сорокина и ранних произведениях Юй Хуа²⁰, занимает важное место в абсурдизме, будь то мотивы обреченности и заточения у Ф. Кафки («Процесс», «Замок»), бессмысленное и бесконечное ожидание у С. Беккета («В ожидании Годо») или каждодневный суд у А. Камю («Падение»). Страх перед жизненной реальностью, результирующий в предпочтение абсурдно-насильственных развязок произведений, является одним из движущих факторов творчества обоих писателей.

Обращение к абсурдистскому эстетическому комплексу (в виде феноменов гротеска и абсурда) у Сорокина, как и у Юй Хуа, предопределяется целым спектром этических, историософских, литературных взглядов писателя. Исходной точкой становления абсурдистской поэтики Сорокина, как указывает исследователь его творчества М.П. Марусенков, следует считать психологические травмы, перенесенные писателем в детстве²¹. Они обусловили как само обращение к литературному творчеству, так и восприятие человеческой жизни в качестве тягостной ноши и болезненное внимание к проявлениям жестокости. Юй Хуа оправдывает собственное повышенное внимание к соответствующим феноменам врачебным прошлым и таким фактом своей биографии, как проживание в юности напротив морга²². Вместе с тем нельзя не признать, что и смерть, и насилие выступали в качестве неотъемлемых элементов общественной жизни маоистского Китая в эпоху «культурной революции» — период отрочества Юй Хуа. Жестокость и разрушительная мощь «культурной революции», а также психическая травма, с ними

¹⁸ См.: Марусенков М.П. Указ. соч. С. 212.

¹⁹ Прежде всего имеются в виду произведения 1980-х и начала 1990-х годов: романы «Норма» (1979–1984), «Тридцатая любовь Марины» (1982–1984), «Сердца четырех» (1991), сборник рассказов «Первый субботник» (1980–1984), поэма в прозе «Месяц в Дахау» (1990) (Сорокин В.Г. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1–2. М., 2002).

²⁰ Речь идет об «авангардных» повестях и рассказах «1986 год», «Выходя на дорогу в восемнадцать» (*Шибя суй чумэнь юаньсин*, 1987), «В своем роде реальность», «Ошибка на берегу» (*Хэбянь дэ цоу*, 1987), «Мирские дела словно дым» (*Ши ши жу янь*, 1988), «Случайность» (*Оужань шицзянь*, 1989), «Повествование о смерти» (*Сыван сюйшу*, 1989), «Предок» (*Цзусянь*, 1992) и др.

²¹ См.: Марусенков М.П. Указ. соч. С. 272.

²² Юй Хуа. Во дэ лингань цзай Хайянь (Автобиография: мое вдохновение в Хайяне). Сайт агентства «Синьхуа». 2004. URL: http://news.xinhuanet.com/book/2004-05/31/content_1499680.htm (дата обращения: 30.01.2011)

ассоциируемая, оказали глубокое влияние на всё поколение писателей так называемого китайского авангарда (*сяньфэн пай*), в том числе на Юй Хуа. Возможно, постмодернизм авангардистов — это именно реакция на травму «культурной революции» с ее властным воздействием тоталитарного дискурса (языка).

Мироощущение, связанное с травматическим опытом, привело В. Сорокина и Юй Хуа к эстетике безобразного и выбору хаотической, несемантизированной художественной формы. Оба автора начинали писать в наивно-реалистической манере, но вскоре восприняли традицию позднего модернизма, активно используя гротескную и абсурдистскую образность. Гротеск можно считать несущей конструкцией подавляющего большинства произведений Сорокина и Юй Хуа. Для них типично стремление к созданию правдоподобной, а иной раз максимально приближенной к действительности художественной реальности, в которую автор искусно вкрапляет фантастические мотивы, создавая характерную для гротеска ситуацию неустойчивого равновесия между жизнеподобием и вымыслом.

Романы Сорокина «Норма» (1979–1984), «Голубое сало» (1999) и сборник рассказов «Первый субботник» (1980–1984) представляют характерные примеры фарсового перефразы канонической модели повествования реализма. Гротескная образность позволяет писателю заострить закономерности культурного процесса, воплощая их в фантазмагорических картинах недалекого будущего и альтернативного прошлого. Сорокин создает своего рода антимир истории русской культуры, спрессовывая его в единый пространственно-временной континуум. Творчество Сорокина отличает желание приблизиться к телесной конкретности изображаемого, отчужденный характер гротескной образности и особая актуальность «макабрического гротеска» и описания копрофагии.

Гротеск у Юй Хуа реализуется прежде всего в образе тела. В романе «Братья» (*Сюнди*, 2005–2006) с его нарочитым использованием словесного репертуара народной, «низкой» комики читатель повсюду находит выражение данной концепции: специфическую непристойность, брань и проклятия, комическое снижение, разъятое на части тело и т. п. Через весь роман проходит могучий поток гротескной телесной стихии — обособленные органы, внутренности, разинутые рты, пожирание, еда и питье, акты испражнения, смерти, родовые акты. Смерть и роды сливаются в едином двуликом образе — в романе «Братья» главный герой появляется на свет в тот момент, когда его матери приносят облепленное испражнениями мертвое тело отца. Умерший как бы воплощается заново через свою кровь, а родовой акт сплетается с агонией смерти в рамках намеренно сатирической

сцены. Как отмечает М.М. Бахтин, «абсолютный низ всегда смеется, это рождающая и смеющаяся смерть»²³. Одно из воплощений смеющейся смерти — образ беременной старухи (рождающей смерти), который мы также встречаем у Юй Хуа в повести «Мирские дела словно дым».

Гротескное анатомизирование тела также широко представлено в художественном мире писателя. Наиболее ярко оно проявляется в описании манипуляций, которым подвергается мертвое тело Шаньгана из повести «В своем роде реальность»²⁴. Во всех тошнотворных деталях автор повествует о том, как кожа, внутренности, легкие, кости и сердце Шаньгана последовательно отделяются от трупа и переходят в распоряжение равнодушных анатомов, подготавливающих их для пересадки. Наконец последними удаляются тестикулы, дабы быть пересаженными пациенту, которому вскоре после успешной операции удастся зачать сына. Так смерть обнуляется, превращается в дурную шутку, и весь процесс препарирования Шаньгана оборачивается бессмысленным, ибо мертвый вновь возвращается к жизни через свою кровь.

Анатомизирование зачастую сопровождается сбрасыванием тела в материально-телесный низ, обливанием мочой и т. п. Простонародная культура увязывает в один неразрывный гротескный узел жизнь, смерть, рождение, испражнения, еду; это центр телесной топографии, где верх и низ переходят друг в друга²⁵. Пока герой романа «Братья» Сун Ган совершает самоубийство и его изуродованный поездом труп везут домой, жена Сун Гана предается различным чувственным наслаждениям (прежде всего, сексуального свойства) в компании его сводного брата — Бритого Ли²⁶. Так сексуальное смыкается с танатологическим, дабы подтвердить невозможность эротизма: в мире Юй Хуа секс не приносит желаемого удовольствия, и герои в конечном итоге теряют интерес к нему.

Постоянное оперирование «телесным измерением» напрямую связано с борьбой против литературоцентризма и представления о тексте как о «поступке»²⁷. Стратегия этой борьбы меняется на протяжении эволюции художественной манеры Сорокина и Юй Хуа. В зрелом периоде творчества оба автора приходят к пониманию того, что задача писателя состоит не в обыгрывании культурных мифо-

²³ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 13.

²⁴ Юй Хуа. Сяньши и чжун (В своем роде реальность). Шанхай, 2004.

²⁵ Ibid. P. 84.

²⁶ Юй Хуа. Сюнди (Братья). Шанхай, 2006.

²⁷ Бахтин М.М. К философии поступка // Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М., 2003. С. 7–68.

логем и стилистических клише, но в постановке перед читателем вопросов философско-онтологического характера, заставляющих задуматься над смыслом бытия. Смена художественных приоритетов не затрагивает конститутивного принципа поэтики остранившегося восприятия: холодный, «нечеловеческий» взгляд писателя (столь характерный для равнодушной, как бы лишенной эмоций манеры повествования Юй Хуа) переходит с художественной реальности на жизненную. Абсурд как литературная категория, как остраненное восприятие различных дискурсов уступает место абсурду онтологическому — отчужденному восприятию действительности. Так, остранение становится ключевым принципом изображения в «Трилогии» В. Сорокина («Лёд», «Путь Бро», «23 000», 2001–2005). Воскрешение карнавальности простонародной литературы в романе Юй Хуа «Братья» — симптом ностальгии по всеохватности традиционной культуры и утраченной органичной культурной практике — будучи выключенным из мира ренессансного карнавала, превращает произведение в литературу абсурда.

Устремленность к созданию «новой мифологии», прямота авторского высказывания, пристальное внимание к действительности свидетельствуют о постепенном отходе от деконструктивнотематизирующих стратегий постмодерна. Позднее творчество Сорокина и Юй Хуа роднит интерес к психологии человека, зыбкость границ между добром и насилием, тотальное разочарование в мире и готовности претворять в жизнь утопию. На первый план выходит философско-экзистенциальная и гражданско-политическая проблематика, при этом вневременные проблемы органично сочетаются с остросовременными. Примером этого может служить роман Юй Хуа «Как Сюй Саньгуань кровь продавал» (*Сюй Саньгуань май сюэ цзи*, 1995), который посвящен столь острой теме, как донорство крови, которое напрямую связано с эпидемией СПИДа в китайских деревнях, а также панорамный сборник Сорокина «Сахарный Кремль» (2008), отличающийся высоким уровнем политизации.

Подводя итог, отметим, что творчество В. Сорокина и Юй Хуа демонстрирует ряд явных тематических, стилевых и методических соответствий, сходящихся к ключевым элементам постмодернистской поэтики и представляющих собой моменты реализации принципа *нереализма*. Во-первых, это полемика с реализмом как в его «классической» форме, так и в форме соцреализма, а также протекающая из нее борьба с «литературоцентризмом», слияние элементов «чистой» литературы и масскульта, внедрение в структуру повествования «запретных» феноменов в виде обсценной лексики, откровенных сексуальных сцен и т. п. Во-вторых, использование

предметно-изобразительного насилия, т. е. радикальная критика языка и «деконструкция» действительности как таковой, при помощи чего писатели создают грандиозную картину абсурдности человеческого бытия. Парадоксальные стилистические манипуляции и алогичные дискурсивные переходы призваны высветить убежденность автора в чудовищности современного мира и глубокое разочарование в человеке. Наконец, это эксплуатация эстетических комплексов абсурдного и гротескного, позволяющая подойти вплотную к конструированию альтернативной реальности, демонтажу традиционных образов истории, исследованию пограничных состояний психики, художественной реальности, языка. Специфика реализации постмодернистских элементов в произведениях обоих авторов заключается прежде всего в их трансформации по мере творческой эволюции писателей в ходе их полемики с традицией. В критике доминантного дискурса намечено противостояние и модернистским ценностям интеллигенции, которые, в частности, в Китае были дополнены конфуцианским морально-оценочным подходом. У Юй Хуа в этом можно усмотреть привлечение мощной традиции «низовой», простонародной литературы с ее широко представленным «телесным измерением», воскрешение стихии «карнавального». Так через разрушение автоматизма восприятия художественного текста и выбор эстетики безобразного намечается движение от принципа снижения к истинному возвышенному.

Список литературы

- Андреев Л.Г.* Чем же закончилась история второго тысячелетия? // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000–2000. М., 2003.
- Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Бахтин М.М.* К философии поступка // Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М., 2003.
- Берг М.* Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М., 2000.
- Завидовская Е.А.* Постмодернизм в современной прозе Китая: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Курицын В.Н.* Владимир Сорокин // Современная русская литература с В. Курицыным. 2000. URL: <http://www.guelman.ru/slava/writers/sorokin.htm> (дата обращения: 21.03.2013)
- Марусенков М.П.* Абсурдопедия русской жизни Владимира Сорокина: заумь, гротеск и абсурд. СПб., 2012.
- Немзер А.С.* Не всё то вздор, чего не знает Митрофанушка. Официальный сайт Владимира Сорокина. 1999. URL: <http://www.srkn.ru/criticism/nemzer.shtml> (дата обращения: 21.03.2013)
- Скоропанова И.С.* Русская постмодернистская литература. М., 2001.

- Сорокин В.Г.* О Евгении Харитонове: интервью // Митин журнал. 1990.
URL: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj32/sorokin.shtml> (дата обращения: 25.03.2013)
- Сорокин В.Г.* Текст как наркотик: интервью // Сборник рассказов. М., 1992.
- Сорокин В.Г.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 1–2. М., 2002.
- Сорокин В.Г.* Убойное сало: интервью // МК-Воскресенье. 2002. № 28.
- Сорокин В.Г.* Я в совок опять не хочу. И в андерграунд тоже: интервью // Известия. 2005. 5 авг. № 136.
- Fokkema D.W.* Approaching Postmodernism. Amsterdam, 1986.
- Jones A.F.* Translator's Postscript // The Past and The Punishments: Eight Stories (Fiction from Modern China). Honolulu, 1996.
- Tang Xiaobing.* Chinese Modern: The Heroic and the Quotidian. Durham & London, 2000. P. 211.
- Wedell-Wedellsborg A.* One Kind of Chinese Reality: Reading Yu Hua // Chinese Literature: Essays, Articles, Reviews. 1996. N 12.
- Ду Шивэй.* Гэй Юй Хуа ба я (Выдирая зубы Юй Хуа). Бэйцзин, 2006.
- Юй Хуа.* Во дэ лингань цзай Хайянь (Автобиография: мое вдохновение в Хайяне) // Сайт агентства «Синьхуа», 2004. URL: http://news.xinhuanet.com/book/2004-05/31/content_1499680.htm (дата обращения: 30.01.2011)
- Юй Хуа.* Сяньши и чжун (В своем роде реальность). Шанхай, 2004.
- Юй Хуа.* Сюнди (Братья). Шанхай, 2006.

Сведения об авторе: Дрейзис Юлия Александровна, аспирант кафедры китайской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: xiaoyouliya@gmail.com

Я.И. Куницкая

СТИХОТВОРНЫЕ ВСТАВКИ И ИХ ФУНКЦИИ В «КНИГЕ О ЧАЛМЕ» ХУШХАЛ-ХАНА ХАТТАКА

Данная статья посвящена одной из сторон изучения ранней афганской литературы на языке пушту: вопросу функционирования поэтических вставок в первом сохранившемся до наших дней прозаическом памятнике, созданном на языке пушту, — «Дастар-нама», или «Книга о чалме», Хушхал-хана Хаттака (1613–1689). Задачей данной статьи является определение основных характеристик и функций поэтических вставок в тексте «Дастар-нама» и, следовательно, способов взаимодействия поэзии и прозы в едином художественном пространстве. Такая постановка проблемы представляется весьма актуальной, поскольку прозапоэтические произведения широко представлены во всех классических литературах Ближнего и Среднего Востока (арабской, персидской, турецкой и др.), а между тем вопрос о роли и назначении стихотворных вставок в прозе остается малоизученным. Таким образом, данная статья, анализируя материал афганской литературы, вносит вклад в формирование общего инструментального базиса для последующего анализа функционирования прозапоэтических средневековых сочинений.

Ключевые слова: литература *адаба*, прозапоэтические сочинения, ранняя афганская проза на пушту, стихотворные вставки в прозе.

This article is devoted to one of the aspects of Early Afghan Literature studies — functioning of poetic incorporation in the first extant prosaic literature work in Pashto — “Dastar-nama” or “Book of Turban” by Khushkhal-khan Khattak (1613–1689). The aim of the article is to define main characteristics and functions of poetic inserts in “Dastar-nama” and determine the means of interaction between prose and poetry in a single artistic space. Such problem definition is quite actual as prose-and-poetic works are widely spread in all classic literatures of the Middle East (Arabic, Persian, Turkish etc.) Still, the problem of poetic inserts’ roles and objectives is insufficiently explored. Thus, this article analyzing the material of Afghan Literature contributes to the creation of instrumental basis for further medieval prose-and-poetic pieces’ functioning analysis.

Key words: *adab* literature, prose-and-poetic works, early Afghan prose in Pashto, poetic inserts in prose.

«Дастар-нама», или «Книга о чалме», представляет собой назидательный трактат, посвященный описанию умений и качеств, которыми должен обладать истинный пуштун и идеальный правитель. Его основной задачей является создание базы для воспитания достойных членов пуштунского общества и последующих поколений

мудрых и сильных правителей. «Книга о чалме» — единственное прозаическое сочинение основателя национальной афганской литературы Хушхал-хана Хаттака (1613–1689). Однако данное произведение нельзя назвать чистой прозой, поскольку одной из важнейших его характеристик является наличие многочисленных стихотворных вставок, различающихся по своим характеристикам и функциям. Подобное соединение прозы и поэзии в целом является характерной чертой литературы в жанре *адаба*¹, в котором написана и сама Книга.

Исследование природы прозапоэтического текста представляет собой особый интерес для литературоведения и затрагивается в нескольких исследованиях. Так, И.М. Фильштинский в своих монографиях по истории арабской литературы рассматривает «поэтические отрывки», помещенные в прозаических сочинениях. Однако его исследования проводятся, в первую очередь, с позиций источниковедения и истории поэзии. Фильштинский говорит об антологической роли стихотворных вставок, которые «служат автору источником сведений» и материала для сочинения, а также об их иллюстративной функции.

Другую классификацию стихотворных вставок, содержащихся в «Сире Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама, предлагает А.Б. Куделин во введении к переводу «Великой битвы при Бадре». Выделяя поэтические элементы «Сиры», он включает в их число следующие типы:

«Стихи — внесюжетные элементы “Сиры”

1. Стихи — объект филологических рассуждений о спорном авторстве поэтических произведений

2. Стихи — генеалогические свидетельства

3. Стихи — филологические свидетельства (лексикографические, грамматические и пр.)

4. Стихи — топонимические свидетельства

Стихи — составной элемент сюжета

1. Стихи — квазиисторические свидетельства

2. Стихи — исторические свидетельства (отражение внутриплеменной и межплеменной борьбы; религиозная пропаганда и конфликты на религиозной основе и т. п.)»².

Таким образом, видно, что в данной работе исследователь положил в основу описания типов поэтических вставок в «Жизнеописании Пророка» их содержание и отношение к основному сюжету.

¹ Начиная с исламского времени под жанром адаба стали именовать комплекс знаний, которыми должен обладать образованный человек.

² Ибн Исхак — Ибн Хишам. Жизнеописание пророка. Великая битва при Бадре. Предисловие А.Б. Куделина / Пер. с араб. А.Б. Куделина и Д.В. Фролова. М., 2009. С. 15–16.

Еще одной работой на близкую тему стала статья М.С. Налич «О поэтических вставках в “Жизнеописании Пророка” Ибн Исаха — Ибн Хишама»³. В ней автор также обращает внимание на практически полное отсутствие специальных работ по данному вопросу. Исследуя вопрос поэтической иллюстрации в рамках «Жизнеописания Пророка», М.С. Налич подчеркивает значимость данной проблематики не только для этого жанра, но и для арабской литературы вообще.

Несмотря на наличие ряда исследований в данном направлении, феномен «инкрустирования прозы поэтическими вставками» (выражение В.Б. Никитиной) описан недостаточно, особенно в рамках иранистики. В целом же нет ни одной монографической работы, посвященной проблеме поэтической иллюстрации в литературе *адаба*.

Существующая ситуация и предопределила выбор темы настоящей публикации. Основные вопросы, на которых сосредоточено внимание в статье, — это классификация поэтических вставок в «Дастар-нама», а также выявление функциональной основы их соединения с прозаическим текстом.

«Книга о чалме» содержит более 170 поэтических отрывков, присутствующих практически в каждой главе. В рамках одной главы Хушхал-ханом Хаттаком может быть помещено от одного до двадцати одного вставного стихотворения в зависимости от структуры и важности самой главы.

Наиболее обильно стихотворные вставки представлены во введении и заключении «Книги о чалме». Это объясняется многочисленностью тем и вопросов, которые задаются во вступлении и суммируются в завершении, и, как следствие, структурной сложностью этих разделов трактата. Помимо этого большим количеством поэтических отрывков снабжены основополагающие главы «Дастар-нама» (вторая и третья главы первой части), рассказывающие об овладении такими фундаментальными областями, как образование и грамотность. Эти области являются, по мнению Хушхал-хана, основой формирования единого языкового и культурного сообщества пуштунов, а их отсутствие — главным препятствием на пути к объединенному государству.

Во второй части «Книги о чалме» множеством стихотворных вставок снабжена пятнадцатая глава, рассказывающая о благих намерениях и ответственности за свои поступки. Содержание этой главы затрагивает множество тем, весьма популярных и активно обсуждавшихся в литературе мусульманского мира, что побудило

³ Налич М.С. О поэтических вставках в «Жизнеописании Пророка» Ибн Исаха — Ибн Хишама // Слово и мудрость Востока: литература, фольклор, культура: К 60-летию акад. А.Б. Куделина: Сборник статей. М., 2006. С. 25–29.

автора подчеркнуть ее основные положения стихотворными вставками.

Максимальное же количество поэтических отрывков присутствует в главе, посвященной одной из основополагающих категорий неписаного кодекса племенной чести афганцев (*пуштунвалай*) — храбрости или воинской доблести (*шуджат*). Помимо детального описания воинской доблести, смелости и приемов военного искусства, глава о храбрости содержит также повествование о народных поверьях, связанных с днями недели, датами месяца, сторонами света и т. д. Треть стихотворных вставок главы приходится именно на эту достаточно самостоятельную часть, что связано с фольклорными корнями данного материала. В соответствии с основной задачей закрепления и передачи потомкам накопленного опыта народные поверья облекаются в легкую для запоминания поэтическую форму:

Руба'и
На восток в понедельник и субботу лучше, братец, не ходи.
А на западе ждет тебя мститель в воскресенье и пятницу.
А во вторник и среду по предсказанию не ищи спасения на севере.
А в четверг, о счастливчик, не носи свои пожитки на юг⁴.

Кроме того, соединение описания афганских обычаев со стихотворными иллюстрациями на фарси (а также кораническими цитатами) отвечает еще одной задаче автора: «примирить» национальную племенную традицию с мусульманскими нормами поведения и включить ее, таким образом, в региональный культурный контекст.

Таким образом, многочисленность и разнообразие стихотворных вставок в «Книге о чалме» определяется необходимостью более четко структурировать материал, визуально выделить основные мысли автора и обеспечить их легкое запоминание. Данные цели автора определяют также и содержание поэтического материала, и формальные характеристики стихотворных вставок, и их положение в тексте.

По содержанию поэтические отрывки, включенные в «Книгу о чалме», так же разнообразны, как и стихотворения дивана Хушхал-хана Хаттака и сама «Дастар-нама». Они покрывают широкий спектр традиционных тематических блоков и относятся к таким областям поэзии, как тюремная и любовная лирика, исторические и политические стихотворения, философская и религиозная поэзия. Кроме того, встречаются отрывки, содержащие элементы суфийской и аскетической поэзии. Однако в подавляющем большинстве (более 80 случаев) стихотворные вставки относятся к дидактике, что обусловлено общими воспитательными и «просветительскими»

⁴ *Khoshhaal Khan Khatak. Dastaar Naama // Pashto tolana. 1966. С. 49.*

задачами произведения. Выделяется и религиозное содержание поэтических отрывков (около 30 случаев), связанное со стремлением Хушхал-хана «вписать» содержание «Дастар-нама» в контекст культуры ислама.

В «Книге о чалме» представлены также фрагменты, связанные с различными частями традиционной касыды, — присутствуют как вставки-порицания, так и отрывки, выдержанные в духе восхваления (*мадх*), как сюжетные стихи, так и описательные (*васф*). Кроме того, поэтические вставки различаются по степени украшенности стиля и количеству фигур и приемов. Так, советы и наставления житейского характера включают минимальное количество фигур, смысл в них выражен прямо. В то же время «Книга о чалме» содержит множество аллегорических стихотворных отрывков, значение которых передано с помощью различных речевых оборотов:

Бейт

Лев был закован в цепь каждую ночь,

А свободный он скитается по местам покинутых стоянок⁵.

Отдельным блоком стоят афоризмы — короткие емкие высказывания, передающие в сжатой форме основной смысл предшествующего отрывка или содержащие народную мудрость. Как правило, они заключены в форму бейта или *мисра'* (полустиише), а также часть из них обозначены автором как *фард* (отдельный бейт).

Помимо таких кратких отрывков, в «Книге о чалме» встречаются и другие жанровые формы стихотворных вставок: *руба'и*, *газель*, *кыт'а*, *маснави*⁶. За ними закрепляются, как правило, не только определенные структурные, но и содержательные характеристики. Четверостишия, руба'и, которые в персидской литературе служили формой для выражения любовной, мистической и философской тематикой, в составе «Книги о чалме» наполняются советами и наставлениями, что является, скорее всего, авторской инициативой самого Хушхал-хана. Кыт'а, «отрывки», представляют собой различные по длине и объему стихотворные вставки и тоже, в основном, имеют дидактическую направленность. Однако, в отличие от руба'и, они более сложны по образности и набору фигур, что определяет их более украшенный и высокий стиль. Газели, традиционно песенный жанр, посвящены любовной, элегической (тюремной) и чисто суфийской тематике, причем две из них помещены именно в главе о музыке. Стихотворения в рифмовке *маснави*, включенные в «Дастар-нама», рассказывают в основном о тех вопросах, о которых Хушхал-хан

⁵ Khoshhaal Khan Khatak. Op. cit. P. 119.

⁶ Руба'и, газель, кыт'а и маснави — жанровые формы арабского и персидского происхождения.

сложил и отдельные большие поэмы, такие как «Баз-нама», «Фирак-нама», «Сват-нама» и др.⁷

Тем не менее данные жанровые типы вставок составляют по количеству значительно меньше половины всех поэтических отрывков «Книги о чалме» (более 40 примеров из более чем 170). В подавляющем большинстве (125 примеров) стихотворные вставки занимают не более одного бейта, что объясняется стремлением автора запечатлеть в краткой рифмованной форме основные выводы и заключения для облегчения их запоминания.

Еще одной важной характеристикой поэтических вставок в «Дастар-нама» является их двуязычие: Хушхал-хан Хаттак «инкрустирует» прозу стихотворениями и на персидском языке, и на языке пушту. При этом наблюдается явное доминирование отрывков на персидском языке над таковыми на пушту: первые занимают более 80% всех стихотворных фрагментов. Это связано с общим функциональным разделением языков в «Книге о чалме»: в то время как пушту занимает место прозаического языка, персидский становится основным поэтическим языком, а арабский — языком ссылок на Священное писание и предание (Коран и хадисы).

В целом по содержанию поэтические вставки на пушту не отличаются от персидских: в подавляющем большинстве они носят назидательный характер, т. е. относятся к дидактике (*панд ва насихат*). Однако язык стихотворной вставки может выступать и в качестве индикатора её содержания. Так, большое число поэтических фрагментов, написанных на пушту, в отличие от вставок, сочиненных на персидском языке, относится к национальной проблематике или темам, широко представленным в творчестве самого Хушхал-хана.

Обращает на себя внимание и то, что единственным разделом «Дастар-нама», в котором отсутствуют персидские стихотворения, является восьмая глава первой части. Эта глава рассказывает о любимом досуге Хушхал-хана Хаттака — об охоте, и большая ее часть посвящена именно соколиной охоте, о которой впоследствии автором была составлена отдельная поэма в рифмовке *маснави* — «Баз-нама» («Книга о соколе»). Единственная поэтическая вставка помещена в конце главы — это достаточно длинный фрагмент в рифмовке *маснави*, описывающий различные типы соколов и способы их ловли. Наряду с несколькими стихотворениями из раздела касыд Дивана Хушхал-хана Хаттака, она стала одним из «кратких» черновиков поэмы о соколах.

Помимо авторских стихотворений, в «Дастар-нама» присутствует и одна заимствованная цитата. Ее выбор, видимо, связан с

⁷ В связи с тем, что на данном этапе исследования творчества Хушхал-хана Хаттака отсутствуют подробные аналитические работы о его поэмах-*маснави*, данное предположение остается на уровне рабочей гипотезы.

тем, что одним из основных источников афганского писателя становится знаменитое сочинение Саади «Гулистан» («Сад роз»). В своей работе «Хушхал-хан Хаттак (1613–1689)» М.С. Пелевин указывает, что для Хушхала творчество поэтов-ширазцев Саади и Хафиза, а также автора XIV в. Камалы Худжанди было «вершиной искусства стихосложения»⁸. И до и после Хушхал-хана эти поэты, а особенно Саади, были очень любимы пуштунами (благодаря их тесным связям с могольской Индией). А дидактический «Гулистан», написанный рифмованной прозой с большим количеством стихотворных вставок авторского сочинения, был переведен на пушту сыном Хушхала Абд ал-Кадиром⁹. Вот цитата из «Гулистана» Саади, которую Хушхал-хан Хаттак включил в свой трактат:

Кыт‘а¹⁰:
Разумному и мудрому мужу
В наши дни потребно две жизни:
Одна — чтобы набраться опыта,
Другая — чтобы применить его к делу¹¹.

Использование заимствованного материала в «Книге о чалме» обусловлено стремлением автора придать большую значимость своей мысли через обращение к авторитетному и широко известному литературному источнику.

В ходе анализа «Дастар-нама» были выделены следующие функции стихотворных вставок, их виды и подвиды:

1. Композиционная функция.

Весь прозаический текст «Дастар-нама» композиционно «размечен» поэтическими вставками: они выделены визуально, причем не только благодаря краткости стихов и их традиционному написанию в виде одного или двух столбцов, но и с помощью жанровых заголовков, которые встречаются в абсолютном большинстве стихотворных отрывков. Таким образом, многие главы делятся на отдельные смысловые сегменты: в стихотворениях, расположенных внутри текста главы, часто содержится основная мысль предыдущих рассуждений автора или, реже, переход к новой теме.

В главе десятой имеется и стихотворение, оформляющее ее концовку. Как правило, такая вставка содержит финальные выводы по проблематике главы, а также общие советы автора. Часто эти отрывки написаны на пушту, т. е. на языке, понятном всем со-

⁸ Пелевин М.С. Хушхал-хан Хаттак (1613–1689). Начало афганской поэзии. СПб., 2001. С. 178.

⁹ Там же. С. 178–179.

¹⁰ Кыта — «отрывок», стихотворная форма, в которой отсутствует рифмовка первых двух полустиший, характерная для таких форм, как касыда или газель. Рифмовка построена по системе ab, cb, db и т. д.

¹¹ *Khoshhaal Khan Khatak*. Op. cit. P. 40.

отечественникам автора, что вновь подтверждает «практическую» функцию афганского языка, в отличие от эстетической функции, более проявляющейся в стихах на фарси.

Отметим, что ни одна глава «Книги о чалме» не начинается со стихотворения, что свидетельствует о второстепенной роли поэзии в трактате: во многих случаях стихи служат для подтверждения или закрепления мыслей, высказанных в прозе. Как правило, главы открываются цитатами из Корана и хадисов или прозаическими разъяснениями названия главы с упоминанием соответствующих ее теме норм ислама, что отвечает авторской задаче придания всему сказанному в книге статуса дозволенного и похвального с точки зрения веры.

1а. Моделирующая функция.

Это один из вариантов композиционной функции, относящийся только к началу произведения. Так, «Книга о чалме» открывается стихотворением, написанным на персидском языке.

В соответствии с традицией мусульманской культуры Хушхал-хан Хаттак во вводном стихотворении устанавливает определенную «систему координат» и включает созданный им трактат в мусульманский контекст, создавая на персидском языке словесную проекцию исламской модели мира:

Сотворил Он небеса, и скрижаль, и калам...
Благодаря Ему Адам возник из темной глины...
[Создал Он] сокровищницу любви, и это сокровище и справедливость
Вложил Он в грудь тварей земных.
Создал Он благородного Пророка...¹²

Вслед за славословием Богу Хушхал-хан во вводном стихотворении традиционно переходит к прославлению пророка Мухаммада, а затем праведных халифов. В последней строке «открывающего» стихотворения он упоминает свое имя.

Данная тематическая последовательность является традиционной для глав интродукции, открывающей персидские классические поэмы. На первом месте в этой цепочке всегда стояла глава, посвященная утверждению единобожия (*таухид*)¹³. Афганский автор перенес схему интродукции в прозаическое сочинение, а персидский язык и стихотворная форма, видимо, служили специфическим указанием на источник заимствования.

1б. Завершающая функция.

Помимо вступительного стихотворения, Хушхал-хан Хаттак вводит в свое прозаическое произведение и завершающий поэтиче-

¹² *Khoshhaal Khan Khatak*. Op. cit. P. 1.

¹³ Об этом см. подробно: *Рейснер М.Л.* «Утверждение единобожия» (*таухид*) в персидской классической литературе: от религиозного концепта к поэтической теме // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2010. № 4. С. 3–16.

ский отрывок, но уже на пушту. В данном случае можно говорить об еще одном подвиде композиционной функции.

«Дастар-нама» завершается следующей *кыт'а*:

Эта книга, сочиненная Хушхалем на пушту,
Написана была для пуштунов.
Если история требует этого от меня,
Говорю, она закончена, расстаюсь с [этим] трудом¹⁴.

Финальное стихотворение указывает на главного адресата данного сочинения — афганцев — а также включает имя автора произведения, его «жанр» (книга) и подводит итоговую черту всему сочинению — как формально, так и содержательно.

2. Иллюстративная функция.

Под данной функцией подразумевается то, что авторская мысль получает свое развитие, подтверждение или завершение в стихотворной форме.

Так, например, рассуждая о важности не только самого знания, но и способов его применения, автор приводит в пример поэта, прославляющего правителя ради денег: «Он (подобный поэт) смешивает прекрасные запахи и ароматы знания с грязью и мусором».

Свое рассуждение Хушхал-хан продолжает в стихе:

Мисра¹⁵
Среди нечистот что пользы от запаха мускуса?¹⁶

2а. Разъяснительная функция.

Данная функция, как один из подвидов иллюстрационной, связана с использованием в «Книге о чалме» нескольких языков. Автор достаточно часто использует перевод стихотворной мысли, написанной на персидском языке, в прозу на пушту, или, наоборот, поясняет прозаическое рассуждение стихами.

Так, в главе о поэзии Хушхал-хан рассуждает о пагубности занятия стихотворством: «Как я могу прославлять это разрушительное и вредное для сердца искусство? Это огонь, который сжигает всё дотла. Это такое мощное создание, что выпивает всю кровь из сердца (печени).

Бейт
Каждый, кто присоединяет слово к слову,
Съедает каплю крови собственного сердца»¹⁷.

Переключаясь с языка на язык, Хушхал-хан Хаттак может также усиливать собственную мысль, обращаясь к авторитету персидской классической литературы, или, напротив, доносить пуштунам уже высказанную ранее идею на понятном им языке. Так, в главе о хра-

¹⁴ *Khoshhaal Khan Khatak*. Op. cit. P. 138.

¹⁵ *Мисра* — полустишие.

¹⁶ *Khoshhaal Khan Khatak*. Op. cit. P. 18.

¹⁷ Ibid. P. 23.

броси вводится уже приведенная выше цитата из Саади, а сразу за ней следует ее перевод на пушту.

26. Выделительная (акцентирующая) функция.

В отличие от разъяснительной под акцентирующей функцией имеется в виду не точный «перевод» той или иной мысли автора на другой язык, а ее иносказательное повторение. Такой прием позволяет автору подчеркнуть свою мысль и усилить ее значимость.

Так, к примеру, во введении Хушхал-хан говорит: «Достойных похвалы качеств много, сколькими можешь овладеть, столько и приобретай... [Но] вкусен [тот] кусок, [что] по размеру. Если тигриная доля подобна доле кошачьей, то это не разумно».

Затем эта же мысль дублируется иносказательно в стихотворении:

Каковы уста, такова и еда,
Каков стан, такова и одежда.
Если мало или велико,
Это все от невежества¹⁸.

Итак, стихотворные вставки содержательно упорядочивают «Книгу о чалме», делая произведение более легким для восприятия на слух и запоминания.

3. Эстетическая (украшающая) функция.

Хушхал-хан Хаттак воспринимает поэтическую речь как украшенную и этим отличающуюся от речи прозаической. С помощью стихотворных вставок автор стремится усилить художественную составляющую своего произведения, несмотря на его практическую доминанту. Стоит отметить, что такой принцип сочетания этических и эстетических задач характерен вообще для многих средневековых дидактических сочинений.

Примером реализации этой функции в «Книге о чалме» является *маснави*, которым завершается глава об искусстве охоты. В нем Хушхал-хан Хаттак живописует дорогую его сердцу соколиную охоту:

О, царские соколы Свата,
Чье оперение переливается разными красками!
Тот среди них, что большой (и здоровый),
[Годится] для Хушхал-хана...¹⁹

Эстетическая функция ряда стихотворных вставок в «Дастарнама» особенно ясно видна при сравнении «Книги о чалме» с наиболее близким к ней с точки зрения жанра, формы, тематики и задач персидским дидактическим сочинением, известным как «Кабус-нама» (XI в.). Язык прозы обоих произведений во многом близок — достаточно сухой, простой, неукрашенный, т.к. это отве-

¹⁸ Ibid. P. 9.

¹⁹ Ibid. P. 35.

чало прагматическим задачам обоих авторов. Тем не менее именно включение большего количества поэтических отрывков и стихотворений позволяет Хушхал-хану в XVII в. создать стилистически более изысканное и изящное произведение.

Предпринятый анализ показал, что основными функциями стихотворных вставок в «Книге о чалме» являются композиционная, иллюстративная и эстетическая. При этом, существует также ряд их подвидов. Использование стихотворных вставок позволяет Хушхал-хану сформировать более четкую структуру сочинения, подчеркнуть важные мысли, разъяснить сложные суждения, выделить основные положения и украсить его.

Важно также подчеркнуть, что для сочинений адабной литературы и некоторых других жанров, содержащих вставные конструкции, подобные вставки часто выступают в качестве своеобразных маркеров жанра, отвечая за общую направленность произведения. Так, в персидских романических поэмах, в соответствии с наблюдениями М.Л. Рейснер, вставками становились газели, песни (*суруд*) или письма (*нама*)²⁰. Не связанные прямо с сюжетом, они сильно влияли на романическую жанровую доминанту произведения. В «Дастар-нама» же вставные стихи определяют дидактическую направленность произведения, давая четкое представление об авторском замысле и целях сочинения.

Результаты проведенного анализа могут быть рассмотрены как первый этап в формировании научного инструментария, предназначенного для структуризации исследования природы прозапоэтических текстов, созданных в рамках мусульманской культуры.

Список литературы

- Khoshhaal Khan Khatak* Destaara Naama. Pashto tolana, 1966.
Бертельс Е.Э. Избр. труды. История персидско-таджикской литературы. М., 1960.
Герасимова А.С., Гирс Г.Ф. Литература Афганистана. Краткий очерк. М., 1963.
Дроздов В.А. «Вставные газели» в классической персоязычной поэзии // Древний и средневековый Восток. Ч. 1. М., 1988.
Ибн Исхак — Ибн Хишам. Жизнеописание пророка. Великая битва при Бадре. Предисловие А.Б. Куделина / Пер. с араб. А.Б. Куделина и Д.В. Фролова. М., 2009.
Кабус-нама / Пер., статья и прим. чл.-кор. АН СССР Е.Э. Бертельса. М., 1955.

²⁰ См. об этом: Рейснер М.Л. Лирические вставки в персидском любовно-романическом эпосе XI–XIII вв.: генезис и жанровые функции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2013. № 1.

Налич М.С. О поэтических вставках в «Жизнеописании Пророка» Ибн Исаха — Ибн Хишама // Слово и мудрость Востока: литература, фольклор, культура: К 60-летию акад. А.Б. Куделина: Сборник статей. М., 2006.

Пелевин М.С. Хушхал-хан Хаттак (1613–1689). Начало афганской поэзии. СПб., 2001.

Рейснер М.Л. «Дидактика любви»: «десять писем» в поэме Гургани «Вис и Рамин» (XI в.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2012. № 2.

Рейснер М.Л. Лирические вставки в персидском любовно-романическом эпосе XI–XIII вв.: генезис и жанровые функции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2013. № 1.

Рейснер М.Л. «Утверждение единобожия» (*таухид*) в персидской классической литературе: от религиозного концепта к поэтической теме. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2010. № 4.

Фильштинский И.М. История арабской литературы X–XVIII века. М., 1991.

Сведения об авторе: Куницкая Яна Игоревна, аспирант кафедры иранской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: kiana_2000@mail.ru

ИСТОРИЯ

П.В. Шлыков

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ТУРЦИИ В 1983–2013 гг. И МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ОППОЗИЦИИ¹

Часть 2

В статье анализируется динамика трансформации партийно-политической системы Турции в 1980-е — первое десятилетие 2000-х годов по пяти показателям: активность избирателей, волатильность электората, фрагментация партийной системы (колебания «эффективного числа партий»), уровень политической конкурентоспособности, пропорциональность партийного представительства в парламенте. Зафиксированные тенденции говорят об определенной стабилизации партийно-политической системы, что затрудняет поиск электоральной ниши любым новым партиям, повышая возможности перетекания электората между действующими партиями. В условиях трансформации партийно-политической системы и формирования новой матрицы политической жизни перед оппозицией встала задача поиска новых стратегий политической борьбы и подходов к работе с электоратом, ревизии партийных установок и программ.

Ключевые слова: Турция, политическая система, демократия, оппозиция, ПСР, НРП.

The paper analyses the dynamics of the transformation of Turkey's party and political system from the 1980s to the early 2010s according to five variables: voter activity, electoral volatility, fragmentation of party system (effective number of parties), level of political competition, and proportionality of party representation in parliament. The growing stabilization of Turkey's party and political system makes increasingly difficult for any new political party to find an electoral niche and facilitates the migration of electorate between old parties. Reformation of the party and political system and creation of a new matrix for political life forced the opposition to search both the new strategies of political struggle and new approaches towards electorate and to revise both party ideology and programs.

Key words: Turkey, political system, democracy, opposition, JDP (AKP), RPP (CHP).

¹ См.: Шлыков П.В. Трансформация партийно-политической системы Турции в 1983–2013 гг. и мобилизационные стратегии оппозиции. Часть 1 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2013. № 3. С. 36.

Проект «Новой НРП» как ответ на трансформацию партийно-политической системы. Трансформация партийно-политической системы в 1990-е и 2000-е годы, формирование фактически новой матрицы политической жизни для многих партий поставили на повестку дня вопрос о поисках новых стратегий политической борьбы, подходов к работе с электоратом, ревизии партийных уставов и разработке новых программ. Императивом это стало и для старейшей политической партии Турции — НРП.

В 2000-е годы НРП всячески демонстрировала готовность к внутренним реформам и провозгласила курс на обновление партии. Весна 2010 г. стала в определенном смысле рубежным временем, с которого можно начать отсчет нового витка трансформации старейшей политической партии Турции.

До этого времени НРП фактически управляли два старых партийца-тяжеловеса — Дениз Байкал, возглавлявший партию с 1992 г., и Ондер Сав, генеральный секретарь НРП в 2000–2010 гг. Горячая фаза борьбы за контроль над партией между Байкалом и Савом пришлось на вторую половину 2000-х годов. В 2008 г., когда принималась новая программа НРП и вводились новые принципы распределения руководящих функций внутри партии, борьба Сава и Байкала достигла пика. Изменения в уставе НРП предполагали существенное сужение влияния и полномочий генерального секретаря, перераспределяя их среди заместителей и помощников председателя партии, и были восприняты как недвусмысленная попытка подорвать положение и вес Ондера Сава в партии. Сам Сав, по-видимому, интерпретировал инициативы по изменению устава именно так, учитывая, насколько яростно он выступал против их внесения НРП² (нормы устава редакции 2003 г. по сути способствовали внутрипартийной конкуренции между председателем и генеральным секретарем). Фактически в 2008 г. НРП разделилась на два лагеря — сторонников Байкала и тех, кто поддерживал Сава, и незначительное число партийцев, не принявших сторону ни того, ни другого.

7 мая 2010 г. в сети Интернет появилась видеозапись, компрометирующая Дениза Байкала и его неуставные отношения с экс-депутатом парламента от Анкары Несрин Байток. Три дня спустя (10 мая 2010 г.) Дениз Байкал объявил о своем уходе с поста лидера партии. 10 мая фактически был открыт новый период в истории НРП, новый виток изменений в руководстве и философии управления партией. В течение недели — до открытия 33-го чрезвычайного конгресса партии — обязанности временного председателя исполнял

² CHP'de Tüzük Kavgası // Bianet. Haftanın Özeti (02 Kasım 2010). URL: <http://bianet.org/bianet/siyaset/125822-chpde-tuzuk-kavgasi>

Джевет Селви, при этом было очевидно, что нити управления партией теперь находятся в руках Ондера Сава, оттесненного Байкалом от партийного руководства два года назад. Однако 22 мая в результате различных подковерных интриг новым председателем НРП стал Кемаль Кылычдароглу. Члены НРП рассматривали Кылычдароглу как символ обновления партии: его курдское происхождение (он родом из Тунджели), приверженность алевизму, скромное поведение, репутация беспощадного борца с коррупцией, дистанцированность от националистического крыла НРП — все это вселяло в членов НРП надежду, а, главное, достаточно точно соответствовало образу «Новой НРП».

Сразу после вступления в должность Кылычдароглу предпринял ряд шагов, направленных на вытеснение из руководства партии соратников и сторонников Байкала: известные своей близостью к Байкалу руководители партийных организаций Аданы, Агры, Хатая, Самсуна и Измира были вынуждены уйти в отставку³. В сложившейся ситуации Ондер Сав решил укрепить свои позиции в партии, собирая вокруг себя сторонников (за глаза его даже стали называть «спасителем партии»), однако реализовать свои амбиции Саву мешали поправки в устав партии 2008 г. о необходимости соблюдения которых в официальном письме руководству НРП заявил генеральный прокурор Абдурахман Ялчынкая. Для Сава, прочно удерживавшего в 2000-е годы положение «второго человека» в партии, это стало фактически финалом политической карьеры — вскоре его официально сняли с поста генерального секретаря НРП (3 ноября 2010 г.), а потом вывели и из высшего совета партии (18 декабря 2010 г.).

Для НРП же расправа над Байкалом, Савом и их сторонниками означала победу «новой команды» над «ветеранами» НРП, причем одновременно над двумя конкурирующими лагерями. После этого предвыборный слоган о «Новой НРП» обрел вполне определенный смысл.

Новая стратегия политической борьбы НРП. Впервые о «Новой НРП» заговорили в контексте критики состояния партии во время лидерства Дениза Байкала. В поисках стратегии развития идеологи НРП стали изучать опыт и программные документы европейских социал-демократических партий даже приняли участие в их партийных встречах (в частности, наиболее плотная работа шла с Социал-демократической партией Германии — СДПГ). Изначально проект «Новой НРП» формулировался как попытка создать в Турции лево-демократическую партию европейского типа.

В 2000-е годы внутрипартийная критика фокусировалась на неприемлемости националистических взглядов Байкала, отсутствии

³ *Uysal Ayşen. CHP ve Parti İçı Demokrasi // Radikal. 20/07/2010.*

выработанной программы решения курдского вопроса, оппозиции процессу вступления Турции в ЕС, замедлению внутрипартийной ротации и «старению» руководящих кадров, сужению партийного электората, в котором доминировал «средний класс» (причем с секулярными взглядами), а малообеспеченные слои общества практически не были представлены. И проект «Новой НРП» должен был найти позитивное решение этих проблем, попытаться их преодолеть.

«Страна свободы и надежды. Турция для всех» (*Özgürlüğün ve umudun ülkesi. Herkesin Türkiye'si*) — так НРП озаглавила свой предвыборный манифест, выбрав главным лозунгом партии «НРП для всех» (*Herkes için CHP*). На первый взгляд может показаться, что НРП стремится обратиться ко всем слоям турецкого общества. Однако в лозунге отражен и новый политический дискурс партии — фактически надидеологический.

В предвыборном манифесте НРП формулировала программные цели-ценности, намечавшие контуры модели общественного развития, которую НРП предлагала Турции: «Свобода личности, устойчивое развитие, социальная справедливость и гуманность, счастливое общество и счастливые граждане, современные стандарты жизни и развитое городское общество, справедливый и безопасный мир, НРП для всех»⁴. Практически все эти принципы, были заимствованы из программных документов Социал-демократической партии Германии (СДПГ)⁵ и серии программных текстов «Построение здорового общества».

Примечательно, что в 2011 г. первым в перечне партийных ценностей шла «свобода личности», а не «секуляризм» (как это было в программных манифестах в 2007 и 2009 гг.). Само понятие «секуляризм» в тексте появляется только на 4-й странице, а разъясняется на 18-й. Бросается в глаза и довольно не характерный для привычной риторики НРП принцип «уважения к другому и плюрализма» (*Farklılıklara Saygı ve Çoğulculuk*), отсылающий к лексике европейских социал-демократов.

В подходах к решению курдского вопроса также стали проглядываться новые акценты: если в 2007 г. он рассматривался как проблема борьбы с терроризмом, то в 2011 г. — уже как проблема развития демократии (НРП обещала отказаться от силовых методов решения проблем Юго-Восточной Анатолии, привнести в регион социальное примирение, разрешить курдам открыто выражать свою этническую и религиозную принадлежность, расследовать политические убийства, разрешить классы с преподаванием на курдском языке, открыть архивы о событиях в Дерсиме, превратить

⁴ Özgürlüğün ve Umudun Ülkesi. Herkesin Türkiye'si. CHP 2011 Seçim Bildirgesi. Ankara, 2011. URL: [http:// www.chp.org.tr/](http://www.chp.org.tr/)

⁵ CHP 2011 Seçim Bildirgesi. S. 5.

Диярбакырскую тюрьму в музей и т. д.). Во всем этом прослеживался явный отказ от «гражданского национализма», проповедываемого кемалистами с 1920-х годов. Однако большинство «обещаний» НРП символичны и едва ли дают ключ к пониманию концепции «плюралистического общества», остающейся риторической фигурой, а отнюдь не программной установкой. Отсутствие четких программных установок отчасти объясняется опасениями, что националистически настроенные члены НРП воспримут в штыки любые конкретные инициативы по отказу от кемалистской модели национализма, отчасти тем, что уровень политической фрагментации заставляет партии, нацеленные на максимальное расширение своего электората, проявлять крайнюю степень гибкости в своей риторике и вырабатывать особый стиль общения с избирателями каждой провинции. Однако подобная стратегия себя оправдывает преимущественно в деполитизированных регионах, а курдские провинции наоборот отличаются крайней степенью идеологизации и политизации. В этом и состоит одна из главных причин бледного выступления НРП на юго-востоке (показательно, что ПСР, давно уже практикующая стратегию «всеохватной партии», в этих районах также фактически проиграла курдским националистам). Примечательно, что после выборов и новой фазы силовых операций против РПК НРП вернулась к прежним подходам и трактовкам курдского вопроса и национализма, а весной 2013 г. демонстративно не присоединилась к инициированному правящей ПСР процессу примирения курдов и турок⁶, в рамках которого РПК начала процесс вывода своих боевых формирований с территории Турции⁷.

Расширение традиционного электората — еще одна задача, которая стояла в проекте «Новой НРП». НРП в данном случае хотела использовать опыт исламистских партий, в 1990-е и 2000-е годы активно вовлекавших в политическую жизнь малообеспеченные слои населения и деполитизированный электорат. Призыв к членам партии максимизировать свое участие в общественных мероприятиях (от похорон до свадеб), чтобы иметь возможность непосредственного и перманентного общения с потенциальными избирателями, был высказан еще Денизом Байкалом. Отчасти это возымело положительный эффект на муниципальных выборах 2009 г. (в таких провинциях как Зонгулдак), однако при Кылычдароглу стратегия

⁶ Erdoğan-Öcalan'a ortak olmayız // Hürriyet. 28/04/2013; Kılıçdaroğlu: 'Erdoğan PKK'nın tutsağıdır' // Hürriyet. 30/04/2013.

⁷ Процессу вывода боевиков предшествовало обращение Абдуллы Оджалана 21 марта 2013 г. во время празднования Новруза, в котором пожизненный лидер РПК призвал сложить оружие. Само же послание стало результатом длительного периода секретных переговоров между правительством Эрдогана (в лице Национальной разведывательной организации) и Оджаланом.

«личного общения» с избирателем не получила логического продолжения и нового импульса.

Изменения в политическом дискурсе, риторике и политической стратегии НРП, стремление максимально свободно действовать в избирательном пространстве и не привязываться к интересам какой бы то ни было социальной группы показывают, что НРП в определенном смысле перенимает модель «всеохватной партии» по типу ПСР. Последнее время это ведет к тому, что многие критики партии, да и некоторые члены НРП говорят о том, что Кылычдароглу и его команда стремятся превратить НРП в новую версию ПСР.

Команда Кылычдароглу провозгласила курс на превращение НРП в «подлинную социал-демократическую партию», способную отвечать интересам всех сегментов турецкого общества. Другими словами, партия поставила перед собой задачу избавиться от идеологического наследия кемалистской НРП и заменить ее социал-демократической идеологией. Для этого НРП стала даже привлекать в свои ряды правых политиков (вроде Айдына Айайдына, в 1990-е и 2000-е годы избиравшегося в парламент от ПВП и ПО). При этом заимствование программных лозунгов успешных европейских социал-демократических партий (будь то СДПГ или британские лейбористы), равно как и любых чужих моделей без учета социально-политического контекста и конъюнктуры не всегда гарантирует ожидаемый результат⁸. Намеренное размывание идеологических основ партии делает возможным резкие колебания политического курса НРП (например, по курдскому вопросу), что также завязано и на отсутствие четко очерченной социальной базы партии.

Трудно одновременно следовать в фарватере интересов бизнесменов, возглавляющих почти 35% партийных ячеек, и служить интересам рабочих и малообеспеченных слоев населения, которым, во многом, адресована риторика партии. Имея в своем парламентском активе преимущественно людей среднего класса, нелегко делать акцент на программах социальной поддержки малоимущих.

Одним из заметных институциональных изменений в НРП с приходом Кылычдароглу стала эрозия влияния местных партийных организаций. Директивное формирование избирательных списков — подобно тому, как это было организовано в 1930-е гг. — и замена в них старых членов партии на «громкие» имена, подборка кандидатов исходя из их финансового состояния, близости к СМИ или уровня публичной известности. Фактическое превращение партии в механизм по максимизации голосов на выборах с «брендовым» лидером (обращает на себя внимание нехарактерная для НРП 1970-х и 1990-х годов персонализация партии, стратегия по-

⁸ Milliyet. 13–14/09/2011.

позиционирования председателя НРП как «лица партии» — человека с идеальными характеристиками; подобному тому, как позиционируется Эрдоган у ПСР). Политическая стратегия партии все больше обретает черты маркетинговой стратегии. С этим согласуются и две другие отличительные характеристики «Новой НРП» — активное привлечение политтехнологов и снижение роли рядовых членов партии.

Идеологический кризис Партии националистического действия в условиях трансформации партийной системы. Вопрос поиска новых стратегий политической борьбы и подходов к работе с электоратом не обошел и еще одного ветерана турецкой политики — ПНД. Однако характер вызовов, вставших перед ПНД, серьезно отличался от проблем, с которыми столкнулась НРП.

Долгое время ПНД сохраняла сформулированную еще в 1960-е гг. довольно расплывчатую идеологию, объединяющую трудно сочетаемые концепты — национализм, этатизм, ислам, секуляризм, кемализм и османизм. Известная «Доктрина девяти лучей»⁹ главного идеолога и вождя ПНД Альпарслана Тюркеша — яркий пример стремления свести воедино противостоящие друг другу концепты. Тюркеш выдвигал «девять лучей» как альтернативу капитализму и коммунизму, некий «третий путь», в котором оптимально бы сочетались традиционные для турецкой культуры коммунитаристские ценности, этатизм и национализм¹⁰, и при этом в нем не было ни классового подхода, ни примата индивидуализма. В доктринальном смысле цель Тюркеша заключалась в примирении кемалистов и религиозно-консервативной части турецкого общества, власти и традиционных ценностей. И в отличие от консервативных и исламистских партий ПНД всегда воздерживалась от критики кемалистского режима. При этом ПНД не испытывала необходимости демонстрировать наличие последовательно отстаиваемых ценностей, соответственно и политическая идентичность партии в целом была довольно неопределенной.

Однако трансформация партийно-политической системы в 2000-е годы сделало не только малоэффективной, но и неприемлемой подобную выжидательную тактику. Каждая политическая партия вынуждена была формулировать свою позицию по наиболее острым вопросам общественно-политической жизни — по делу Эргенекон,

⁹ «Девять лучей» (*Dokuz Işık*) включали: национализм (*Milliyetçilik*), идеализм (*Ülkücülük*) — стремление превратить турецкую нацию в наиболее развитую, наиболее цивилизованную и т. д.; нравственность (*Ahlakçılık*) — сохранение и развитие богатства традиций и обычаев турецкой нации; научность и позитивизм (*İlimcilik*); солидаризм (*Toplumculuk*); забота о деревне (*Köycülük*); развитие свободы и личности (*Hürriyetçilik ve Şahsiyetçilik*); прогресс и народность (*Gelişmecilik ve Halkçılık*); индустриализация и технологизация (*Endüstricilik ve Teknikçilik*).

¹⁰ *Türkş Alparslan. Milli Doktrin Dokuz Işık. İstanbul: Hamle, 1978. S. 15.*

Бальоз и аналогичным судебным разбирательствам, по вопросу трансформации военно-гражданских отношений, по конституционной реформе или роли ислама в общественной жизни. Императивом это стало и для ПНД, политический обскурантизм которой по ряду причин окончательно себя исчерпал¹¹. Во-первых, развитие политической культуры и либерализация политического процесса в 1990-е и 2000-е годы подняла планку необходимого уровня транспарентности — в целом, политическая программа, набор ценностей и политической дискурс каждой из действующих партий гораздо более четко сформулированы и открыты, чем это было 20–30 лет назад. Во-вторых, базовые проблемы, определяющие социальные размежевания в турецком обществе обесценили тактику «политических умолчаний». От каждого субъекта политического процесса требуется четко сформулированная и недвусмысленная позиция по ключевым вопросам — от запрета на ношение религиозного платка до открытия общенациональных телевизионных каналов на курдском языке. Еще в начале 2000-х годов ряд политических обозревателей открыто призывал ПНД четко обозначить свою позицию о роли военной элиты в политике¹². Обострение политического противостояния кемалистов, с одной стороны, и исламистов-консерваторов, с другой, также требовали от ПНД определиться со своим отношением к каждой из противоборствующих сторон.

В 2010 г. ПНД решила блокироваться с НРП против ПСР во время референдума по конституционным поправкам, что многие расценили как политическое самоубийство¹³, а проправительственные газеты «Йенишафак» и «Заман» недвусмысленно предупреждали лидера ПНД Девлета Бахчели от необдуманного союза с кемалистами, который, по их мнению, неизбежно приведет к краху партии¹⁴.

ПНД входила в предвыборную гонку 2011 г., испытывая на себе давление со стороны консервативных политиков, склонявших партию выступать с антикемалистских позиций. И, несмотря на это, ПНД начала свою кампанию по прежней модели «избегания острых углов» (весьма выборочно подходя к артикулированию позиции партии по ключевым вопросам общественно-политической дискуссии), полагая, что умеренность партийной линии поможет

¹¹ ПНД сталкивалась с подобной проблемой и ранее. Так, в конце 1990-х годов, когда под давлением военной элиты была закрыта Партия благоденствия Неджметтина Эрбакана, а противостояние между исламистами и кемалистами-лаицистами крайне обострилось, ПНД довольно успешно смогла позиционировать себя как неконфронтационную партию.

¹² Gülerce Hüseyin. MHP Kongresi // Zaman. 2/11/2000.

¹³ MHP'nin Siyasi İhtihari // Bugün. 20/09/2010.

¹⁴ Referandumda MHP ne yapar? // Zaman. 06/04/2010; MHP'nin En Zorlu Sınavi Referandum // Yenişafak. 25/07/2010; Bahçeli MHP'yi Bitirdi, Evet Diyeceğim // Yenişafak. 12/08/2010.

принести желаемый результат на выборах. Однако с самого начала эффективность традиционной тактики ПНД вызывала сомнения.

Предвыборная стратегия ПНД основывалась на предсказуемой мягкой критике правящей партии, фокусирующейся на ряде центральных и периферийных — для текущего характера политической борьбы — сюжетах. Так, ПНД выдвигала против ПСР обвинения в пособничестве федерализму и непродуманной внутренней политике, которая ведет к дезинтеграции страны. Обвинения в сепаратизме (*bölücülük*) стали одним из центральных мотивов предвыборных выступлений Бахчели¹⁵ наряду с обвинениями в сотрудничестве с Рабочей партией Курдистана (РПК). Также ПНД обвиняла ПСР в умалении тюркской составляющей современной турецкой нации, традиционный характер которой разрушается посредством социально-экономической политики правящей партии. Бахчели обещал в случае своей победы сформировать «правительство национального возрождения»¹⁶. Наконец, в фокусе критики ПНД оказалась коррупция и созданная ПСР система политической протекции, благодаря которой лояльные ПСР бизнесмены за время пребывания партии у власти стали мультимиллионерами.

Уязвимость критики ПСР по экономическим вопросам состояла в том, что правительство Эрдогана могло похвастать конкретными достижениями по ряду экономических вопросов, имеющих четкое социальное измерение (например, в жилищном секторе или сфере здравоохранения). Кроме того, характерная для турецкого электората прямая зависимость поддержки правящей партии от финансово-экономической эффективности правительства в предвыборный год¹⁷ давала серьезные конкурентные преимущества ПСР (квартальные показатели экономического роста в 2010 г. составляли около 10%, а в начале 2011 г. превысили 10%). Поэтому основной упор в критике ПСР был сделан на политико-идеологические моменты, прежде всего на новые инициативы решения курдского вопроса и открытия переговорного процесса с РПК. При этом ПНД не выдвигала своей программы по курдской проблеме («проблеме терроризма» в риторике ПНД), объясняя обострение курдского вопроса исключительно неправильной политикой правительства ПСР, которая, по словам Девлета Бахчели, имеет те же «опасные цели», что и РПК¹⁸.

¹⁵ Başbakan Bölücü ve Ayrımcı // Yeniçağ. 3/06/2011.

¹⁶ Kim Bu AKP Damgalı Zenginler? // Gazete 5. 5/06.2011.

¹⁷ Анализ электорального поведения во второй половине XX в. показал, что избиратели принимают во внимание экономическую эффективность правительства, однако в поле их зрения — только экономические показатели одного года, предшествующего выборам. *Akarca Ali; Tansel Aysit. Economic Performance and Political Outcomes: An Analysis of the Turkish Parliamentary and Local Election Results Between 1950 and 2004.* // Public Choice. Vol. 129. No 1–2 (October 2006). P. 77–105.

¹⁸ Milliyet. 06/06/2011.

ПНД оказалась зажата между НРП и кемалистами, с одной стороны политического поля, и ПСР вместе с консервативно настроенным электоратом, с другой. Неопределенность политической идеологии в конечном итоге сыграла на руку оппонентам партии Девлета Бахчели и прежде всего ПСР. Один из главных мотивов критики ПНД со стороны Эрдогана заключался в неспособности ПНД ответить на запросы консервативной части турецкого общества и заигрывании с кемалистами. Стараясь дискредитировать ПНД в глазах националистически настроенного электората, Эрдоган часто повторял на митингах, что «ПНД больше не является подлинной националистической партией»¹⁹.

ПСР не только старалась переманить на свою сторону традиционных сторонников ПНД — так называемых идеалистов (*ülküci*), организуя с ними специальные встречи во время предвыборной кампании 2011 г., но вела переговоры с известными националистами. Эрдоган даже включил в партийные списки сына Альпарслана Тюркеша, а ряд мэров турецких городов, выбранных на свои посты от ПНД, перешли в ПСР²⁰, более того, главный советник Девлета Бахчели Ведат Бильгин вышел в отставку и стал выступать в поддержку партии Эрдогана. Цепь столь неприятных событий сильно отразилась на риторике и поведении основных функционеров ПНД, которые стали рассматривать ПСР не как оппонента, а как своего непосредственного врага, поставившего цель окончательно убрать ПНД с политического поля. В этом ключе можно воспринимать и публикацию компромата о ряде членов ПНД, в результате которого десять крупных функционеров и вице-председателей партии вынуждены были уйти в отставку прямо накануне выборов²¹. Руководство ПНД обвинило в распространении компромата и раздувании секс-скандалов ПСР, объяснив это желанием «расколоть и уничтожить ПНД как единственную партию, способную остановить ПСР»²².

Однако главная угроза для ПНД исходила не столько от ПСР, сколько от движения Фетхуллаха Гюлена — наиболее влиятельного исламского движения в Турции с обширной сетью сторонников,

¹⁹ Star. 7/09/2010.

²⁰ В начале 2010 г. семь мэров, состоявших в ПНД, сменили свою партийную принадлежность на ПСР [Belediye Başkanı AK Parti'ye Katıldı // AKP Haberler. URL: <http://www.akparti.org.tr> (дата обращения: 23.03.2010), а в январе 2013 г. их примеру последовали главы еще четырех городов. MHP'li belediye başkanları AK Parti'ye geçti. URL: <http://www.sarivelilerhaber.com/haber/1756-politika-mhp-li-belediye-baskanlari-ak-parti39ye-gecti.html> (дата обращения: 23.03.2010)]

²¹ См.: Шлыков П.В. Турция после выборов 2011 г.: парадоксы политического развития // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2012. № 3. С. 5.

²² Bölge Milletvekilimiz D. Ali Torlak, Kartal İlçe Başkanlığı'nı ziyaret etti // Milliyetçi Hareket Partisi İstanbul İl Başkanlığı. URL: <http://www.mhpistanbul.org.tr/node/339> (дата обращения: 18.10.2010)

аффилированных средств массовой информации, финансовых, культурных и просветительских учреждений, как в Турции, так и за ее пределами²³. Одна из важных характеристик Гюленовской общины-*джемаата* — его способность быстро мобилизовать своих сторонников (по преимуществу, молодых людей консервативных взглядов из Центральной и Восточной Анатолии самого разного социального происхождения — от студентов до крупных бизнесменов). И хотя *джемаат* Гюленане не является политической партией, но в течение последних 20 лет это один из наиболее влиятельных субъектов общественно-политической жизни Турции. Традиционно ПНД вела себя очень аккуратно по отношению к Гюлену и его сторонникам, воздерживаясь от критики их амбиций и тактики культурной экспансии. Гюлен одно время был достаточно близок с бессменным лидером ПНД Альпарсланом Тюркешем, в 1990-е годы неоднократно лестно отзывавшимся об активности сторонников Гюлена за рубежом, особенно в тюркских республиках бывшего Советского Союза²⁴.

Однако в начале 2000-х годов пути Гюлена и ПНД существенно разошлись, поскольку их позиции по ключевым вопросам общественно-политической жизни Турции оказались диаметрально противоположными. Гюлен встал на позиции жесткого антикемализма, ожидая, что ПНД солидаризуется с ним в этом вопросе, однако ничего подобного не произошло. Когда в 2008 г. началось раскручивание дела Эргенекон, в рамках которого многие действующие и отставные генералы и высшие офицеры оказались за решеткой, ПНД встала на защиту обвиняемых, публично заявляя, что подобные процессы подрывают стабильность государства, тогда как Гюлен принял сторону обвинения. Для Бахчели Эргенекон и последовавшие за ним разбирательства были спланированными акциями по ослаблению турецкой армии и военной элиты²⁵. Более того, ПНД даже включила в свой избирательный список на выборах 2011 г. ряд отставных генералов, арестованных по делу Эргенекон, а в риторике партии стала звучать критика политической активности движения Гюлена.

Конфронтация ПНД и движения Гюлена вполне прогнозируема и объяснима. Традиционная социальная база ПНД — жители небольших городов и деревень Центральной и Восточной Анатолии, для которых ПНД долгое время выступала привлекательной альтернати-

²³ О масштабах движения и его роли в процессе десекуляризации Турции см.: Шлыков П.В. Куда идет Турция? (Метаморфозы прозападного курса развития) // Современная Европа. 2013. № 1 (53). Январь–март. С. 58–75.

²⁴ Существует даже письмо, в котором Тюркеш восхищается активностью сторонников Гюлена среди центральноазиатских тюрков. Zaman. 15/08/2000.

²⁵ Milliyet. 14/01/2009.

вой кемалистской НРП и исламистских политиков. Однако появление движения Гюлена и его активность среди молодежи положила конец устоявшейся монополии на политическую мобилизацию населения периферийных районов Центральной и Восточной Анатолии. Даже в таких городах как Йозгат и Чанкыры — традиционных бастионах ПНД — партия Девлета Бахчели оказалась неспособна воспроизвести прежние показатели популярности среди избирателей, что неизбежно привело и к сужению каналов мобилизации сторонников и сокращению финансовой поддержки партии. Более того, Гюлен, активность движения которого давно уже переступила границы Турции, потеснил ПНД и среди турок, живущих за рубежом, особенно в республиках Центральной Азии. Еще в 1960-е годы ПНД сделала проблематику центральноазиатских тюрков одной из центральных тем своей политической платформы. В 1990-е годы монополия ПНД на отстаивание интересов «внешних турок» оказалась нарушенной. Через многочисленные школы, культурные и просветительские учреждения, открытые в разных регионах тюркских республик бывшего Советского Союза (в Казахстане, Азербайджане, Кыргызстане и т. д.), движение Гюлена стало естественным образом восприниматься как главный канал взаимодействия и объединения турок и тюрков, живущих в разных странах мира за пределами Турции. ПНД здесь уже не могла составить движению Фетхуллага Гюлена практически никакой конкуренции. В 2000-е годы стало очевидно, что позиция Гюлена по основным вопросам общественно-политической жизни становится все больше проправительственной, расходясь при этом с официально прокламируемыми взглядами ПНД (и по проблеме военно-гражданских отношений, и по вопросу судебного преследования по политическим делам 2008–2012 гг., и по конституционной реформе). Конечно, о полном совпадении позиций ПСР и Гюлена речь не идет (достаточно вспомнить критику инцидента с Мави Мармара со стороны Гюлена²⁶), однако в условиях поляризации политического поля в Турции 2000-х годов Гюлен и его последователи оказываются на стороне ПСР.

Обострение конфронтации между Гюленом и ПНД в конце первого десятилетия 2000-х годов, агрессивная антиправительственная риторика — в такой атмосфере проводилась избирательная кампания ПНД в 2011 г. Стратегия фактически оказалась проигрышной

²⁶ The Wall Street Journal. 4/06/2010.

Речь идет о конфликте в ночь с 30 на 31 мая 2010 г. между Армией обороны Израиля и активистами движения «Свободная Газа» на конвое судов «Флотилия свободы», попытавшемся прорвать израильскую блокаду сектора Газа и задержанным израильским пограничным спецназом.

для ПНД²⁷ поскольку, с одной стороны, публичные столкновения с движением Гюлена испортили имидж ПНД среди религиозно-консервативного электората, с другой — совпадение позиций ПНД и НРП по многим острым вопросам политической жизни страны создавало у избирателей ощущение негласного союза между двумя партиями.

Не только отчуждение религиозно-консервативного электората, вызванное переоценкой отношения ПНД к исламу в 1990-е годы после распада Советского Союза и исчезновения коммунистической угрозы вместе с необходимостью использовать ислам как антидот коммунизма²⁸, определило снижение популярности партии Бахчели и ее неспособность продвинуться в расширении базы своих сторонников. В этом есть и институциональные причины. Одна из основных состоит в том, что ПНД не удается наладить отношения с турецким бизнесом — попытка создать ассоциацию бизнесменов-националистов (*Milliyetçi İşadamları Derneği*) не увенчалась успехом. Деятельность образованной в 2005 г. Ассоциации всех промышленников и бизнесменов (*Tüm Sanayici ve İş Adamları Derneği — TÜMSİAD*) носит ограниченный характер и пока не может конкурировать с такими структурами, объединяющими последователей Гюлена и сторонников ПСР, как Ассоциация независимых промышленников и предпринимателей (*Müstakil Sanayici ve İş Adamları Derneği — MÜSİAD*) или Конфедерация турецких предпринимателей и промышленников (*Türkiye İşadamları ve Sanayiciler Konfederasyonu — TUSKON*)²⁹. Фактическое отсутствие разветвленной инфраструктуры для мобилизации сторонников с особой остротой ставит перед ПНД необходимость выработки четкой политической платформы и отказа от прежней модели усредненной и расплывчатой политической идентичности. ПНД едва ли может взять на вооружение тактику ПСР, обладающей широкой сетью «медиаторов», обеспечивающих поддержку партии на принципах лояльности партии и ее лидеру (или социальным проектам), но не идеологической платформе. Малопродуктивной, как показали

²⁷ На выборах 2011 г. ПНД получила 13% и 53 мандата против 14,3% и 71 мандата в 2007 г.

²⁸ Важно также, что после событий февраля 1997 г., когда под давлением военной элиты и кемалистов правительство исламистской Партии благоденствия вынуждено было уйти в отставку, ПНД решило максимально дистанцироваться от исламистов.

²⁹ В 1990 г. исламский бизнес создал свою ассоциацию МЮСИАД (как антипод созданной еще в 1971 г. ТЮСИАД), за десять лет ставшую наиболее крупной структурой представительства бизнеса в Турции. Второй происламской бизнес-структурой стала ТУСКОН, созданная в 2005 г. и объединившая сразу более 150 бизнес-ассоциаций с более чем 14 тыс. бизнесменов из разных уголков Турции.

выборы 2011 г., остается и риторика партии Бахчели. Двухсотстраничный предвыборный манифест ПНД создает впечатление, что главная проблема для Турции — борьба за выживание турецкой нации и государства, тогда как повседневные проблемы граждан занимают второстепенное место для партии³⁰. Большинство простых избирателей, озабоченных вопросами внутренней экономической политики, решением транспортных проблем и т. п., призыв к борьбе за единство Турции оставляет довольно равнодушным³¹. В результате максимальные показатели поддержки ПНД имеет в таких городах, как Маниса или Мерсин, где напряженность между курдами и турками последние годы ощутимо возросла.

* * *

География политической конкуренции и «регионального» распределения электората основных политических партий позволяет сделать вывод о том, что существующие в стране социальные размежевания по-прежнему являются определяющим фактором для характера межпартийного противостояния и политической жизни в целом.

На фоне доминирования ПСР в большинстве *илей* электорат главных оппозиционных партий — НРП, ПНД и ПМД — регионально ограничен и преодолеть эту ограниченность в рамках двух последних выборных циклов (2007 и 2011 гг.) не удалось, соответственно ресурса для того, чтобы оспорить электоральную гегемонию ПСР на общенациональном уровне у оппозиции пока не достаточно. Однако стратегия ПСР по вытеснению конкурентов не всегда оказывается достаточно эффективной. Так, не оправдали себя попытки ПСР переманить на свою сторону избирателей курдской ПМД за счет дискредитации ее программы с позиций религиозной идентичности курдов-суннитов и курдов-алевитов. И в восточных провинциях электорат по-прежнему поделен между курдскими политиками и кандидатами от ПСР, и на это соотношение не повлияли даже новые программные лозунги НРП и риторика Кылычдароглу с ее акцентом на необходимость позитивной программы решения проблем курдов. Центральные провинции остаются главным ресурсом правящей партии: если отталкиваться от культурно-религиозной идентичности электората, то за ПСР здесь голосует суннитское большинство, на НРП ориентируются алевиты, а ПНД привлекает националистически настроенных избирателей, раздраженных обо-

³⁰ Milliyetçi Hareket Partisi 2011 Seçim Beyannamesi 2023'e Doğru Yükselen Ülke Türkiye Sözleşmesi. Ankara, 2011. URL: http://www.mhp.org.tr/usr_img/_mhp2007/kitaplar/MHP_2011_SecimBeyannamesi.pdf

³¹ Bacık Gökhan. MHP Ne Vaat Ediyor? // Zaman. 28/04/2011.

стрением курдской проблемы и терактами со стороны курдских боевых группировок.

В итоге главным бенефициаром высокой степени регионализации электората выступает ПСР, поскольку для оппозиции высокая степень дробности электората лишь сокращает диапазон возможных стратегий политической борьбы и фронт конкурентного противостояния с ПСР (реально потеснить ПСР оппозиция может в провинциях с преимущественно курдским населением и в крупных городах — Стамбуле, Анкаре, Бурсе, Адане, Газиантепе, Коджаэли и т. п.).

Снижение волатильности и политической фрагментации говорят об определенной стабилизации партийно-политической системы и делают крайне сложным любым новым партиям найти свою электоральную нишу и стать реальной альтернативой существующим четырем (3+1) парламентским партиям, в то же время возможности перетекания электората между существующими партиями, наоборот, повышаются. Поэтому перед оппозиционными партиями с особой остротой встает вопрос о завоевании симпатий части электората правящей партии, популярность которой извне угрожает финансовый кризис, а изнутри — гипотетический политический кризис из-за ухода Эрдогана с парламентского уровня на президентский. Поэтому проблема преемственности и лидерства для ПСР на сегодняшний день стоит наиболее остро. Трансформация ПСР из партии Эрдогана в партию с высокой степенью «институционализации», т. е. институционально обеспечивающую лояльность своих избирателей, — на ближайшую перспективу станет одним из главных факторов, определяющих стабильность партийно-политической системы в стране.

Проект «Новой НРП» можно воспринимать как ответ на вызовы реформирования партийно-политической системы и запросы турецкого электората первого десятилетия 2000-х годов. Однако регулярное обновление партии с кардинальной ревизией партийных и идеологических установок — это отнюдь не отход от традиционной траектории развития старейшей политической партии республиканской Турции. Если рассматривать без малого 90-летний период существования НРП как непрерывный континуум, то в нем четко вычленяются пять периодов, на каждом из которых партия становилась «Новой НРП», радикально пересматривая и программные принципы, и политический дискурс. Первый период — 1923–1946 гг., когда НРП действовала в рамках однопартийной системы. Второй период — 1946–1961 гг., характеризующийся переходом к многопартийности, ревизией принципов кемализма и наследия кемалистской революции, первым опытом формирования коалиционных правительств и пребывания в оппозиции к режиму

ДП. Третий период — 1961–1980 гг., время Бюлента Эджевита, когда НРП провозгласила курс «левее центра». Четвертый период — 1992–2010 гг., когда НРП была воссоздана Денизом Байкалом и пыталась найти новую траекторию развития, и превратилась в главную оппозиционную партию. В рамках этой парадигмы 2010 г. представляется как начало нового периода, в рамках которого НРП стремится стать «всеохватывающей партией» с обновленной левоцентристской идеологией, максимально приемлемой для разных слоев турецкого общества.

В еще более сложном положении оказывается ПНД. Один из важных результатов трансформации партийно-политической системы Турции в 2000-е годы в 3,5-партийную состоит в изменении характера политических коалиций. В отличие от 1990-х годов, когда на выборах 1999 г. четыре больших партии представляли правый спектр политического поля, две крупных партии — левый, в настоящее время ПСР выступает единственной крупной правоцентристской партией, выдавившей с правого фланга всех своих конкурентов, а НРП становится фактически единственной крупной левой партией. Тем самым спектр политического поля, который остается для ПНД, чрезвычайно узок. ПНД уже больше не одна из правых партий, отличающаяся более националистической идеологией, а партия, которая находится между консервативной умеренно исламистской ПСР и кемалистской НРП, объединяющей сторонников лаицизма, т. е. партиями, отстаивающими во многом диаметрально противоположные ценности. И для политического выживания перед ПНД с особой остротой встает необходимость выработать ясную политическую платформу и избавиться от расплывчатой политической идентичности. Идеи «третьего пути», который ПНД выдвигала с 1960-х годов, в условиях политической поляризации по линии исламисты — лаицисты (как на референдумах 2007 и 2010 гг.) способны привлечь весьма ограниченный круг сторонников, равно как и политическая программа, фокусирующаяся главным образом на борьбе с федерализмом и Рабочей партией Курдистана.

Список литературы

- Алескеров Ф.Т., Платонов В.В.* Системы пропорционального представительства и индексы представительности парламента. М., 2003.
- Турецкая Республика в 60-е — 70-е годы. Вопросы общественно-политического развития. М., 1984.
- Шлыков В.И.* Эволюция партийной системы Турции в период Третьей Республики (1983–2007) // Турция на рубеже XX–XXI вв. М., 2008.
- Шлыков П.* «Антикемалистская революция»: куда идет Турция? // Семинар в московском центре Карнеги. URL: <http://www.carnegie.ru/events/?fa=3422>

- Шлыков П.В. «Военный переворот наоборот»: отставка высшего командования Вооруженных сил Турции // Информационно-аналитический портал «Рус-Ориент». URL: <http://www.rusorient.ru>
- Шлыков П.В. Куда идет Турция? (Метаморфозы прозападного курса развития) // Современная Европа. 2013. № 1 (53). Январь–март.
- Шлыков П.В. Политический ислам в Турции: поиски новой идентичности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2008. № 4.
- Шлыков П.В. Турция после выборов 2011 г.: парадоксы политического развития // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2012. № 3.
- Akarca Ali, Tansel Aysit. Economic Performance and Political Outcomes: An Analysis of the Turkish Parliamentary and Local Election Results Between 1950 and 2004 // Public Choice. Vol. 129. N 1–2 (October 2006).
- Başlevant Cem, Kirmanoğlu Hasan, Şenatalar Burhan. Empirical Investigation of Party Preferences and Economic Voting in Turkey // European Journal of Political Research. Vol. 44 (2005).
- Çarkoğlu Ali, Hinich Melvin. A Spatial Analysis of Turkish Party Preferences // Electoral Studies. Vol. 25 (2006).
- Çarkoğlu Ali, Kalaycıoğlu Ersin. Turkish Democracy Today: Elections, Protest and Stability in an Islamic Society. L.: I.B. Tauris, 2007.
- Carmines Edward, Stimson James. Evolution, Population Replacement, and Normal Partisan Change // American Political Science Review. Vol. 75 (1981).
- Gallagher Michael. Proportionality, Disproportionality and Electoral Systems // Electoral Studies. Vol. 10 (1991).
- Jou Willy. Electoral Reform and Party System Development in Japan and Taiwan: A Comparative Study // Asian Studies. Vol. 49 (2009).
- Kitschelt Herbert. Linkages between Citizens and Politicians in Democratic Polities // Comparative Political Studies. Vol. 33 (2000).
- Kutad Ayşe. Patron-Client Relations: The State of the Art and Research in Eastern Turkey. // Political Participation in Turkey: Historical background and Present Problems. Istanbul: Boğaziçi University Press, 1970.
- Laakso Markku, Taagepera Rein. 'Effective' Number of Parties: A Measure with Application to Western Europe. // Comparative Political Studies. Vol. 12 (1979).
- Milliyetçi Hareket Partisi 2011 Seçim Beyannamesi 2023'e Doğru Yükselen Ülke Türkiye Sözleşmesi. Ankara, 2011. URL: http://www.mhp.org.tr/usr_img/_mhp2007/kitaplar/MHP_2011_SecimBeyannamesi.pdf
- Özgürlüğün ve Umudun Ülkesi. Herkesin Türkiye'si. CHP 2011 Seçim Bildirgesi. Ankara, 2011. URL: http://www.chp.org.tr/wp-content/uploads/Se%C3%A7im_Bildirgesi-.pdf
- Pedersen Mogens. The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility. // European Journal of Political Research. Vol. 7 (1979).
- Reilly Benjamin. Democratization and Electoral Reform in the Asia-Pacific Region: Is There an Asian Model of Democracy? // Comparative Political Studies. Vol. 40 (2007).
- Tavits Margit. On the Linkage between Electoral Volatility and Party System Instability in Central and Eastern Europe // European Journal of Political Research, Vol. 47 (2008).
- Tezcür Güneş Murat. Muslim Reformers in Iran and Turkey: The Paradox of Moderation. Austin: University of Texas Press, 2010.

Türkeş Alparslan. Milli Doktrin Dokuz Işık. İstanbul: Hamle, 1978.
West, Jefferson. Regional Cleavages in Turkish Politics: An Electoral Geography of the 1999 and 2002 National Elections // Political Geography. Vol. 24 (2005).

Периодические издания

Bugün Gazetesi. — Erişim modu. URL: <http://www.bugun.com.tr/>
Cumhuriyet. — Erişim modu. URL: <http://www.cumhuriyet.com.tr/>
Gazete5. — Erişim modu. URL: <http://www.gazete5.com/>
Hürriyet. — Erişim modu. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/>
Milliyet. — Erişim modu. URL: <http://www.milliyet.com.tr/>
Radikal. — Erişim modu. URL: <http://www.radikal.com.tr/>
Resmî Gazete. — Erişim modu. URL: <http://www.resmigazete.gov.tr/>
Sabah. — Erişim modu. URL: <http://www.sabah.com.tr/>
Star. — Erişim modu. URL: <http://www.stargazete.com/>
The Wall Street Journal. — Mode of access. URL: <http://www.wsj.com/>
Yeni Şafak. — Erişim modu. URL: <http://yenisafak.com.tr/>
Yeniçağ. — Erişim modu. URL: <http://www.yg.yenicaggazetesi.com.tr/>
Zaman. — Erişim modu. URL: <http://www.zaman.com.tr/>

Интернет-ресурсы

Adalet ve Kalkınma Partisi (AK Parti). — Erişim modu. URL: <http://www.akparti.org.tr/>
AKP Haberler. — Erişim modu. URL: <http://www.akparti.org.tr>
Bianet. Haftanın Özeti. — Erişim modu. URL: <http://bianet.org/>
Doğan Haber Ajansı. — Erişim modu. URL: <http://www.dha.com.tr/>
İlke Haber. — Erişim modu. URL: <http://www.ilkehaber.com/>
Milliyetçi Hareket Partisi İstanbul İl Başkanlığı. — Erişim modu. URL: <http://www.mhpistanbul.org.tr/node/339>
Milliyetçi Hareket Partisi. — Erişim modu. URL: <http://www.mhp.org.tr/>
Sariveliler Haber. — Erişim modu. URL: <http://www.sarivelilerhaber.com>
T.C. Yüksek Seçim Kurulu Başkanlığı. — Erişim modu. URL: <http://www.ysk.gov.tr/ysk/index.html>
Türkiye İstatistik Kurumu. — Erişim modu. URL: <http://www.tuik.gov.tr>

Сведения об авторе: Шлыков Павел Вячеславович, канд. ист. наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: shlykov@iaas.msu.ru

М.В. Тимофеева

КОНФЛИКТ В АЙОДХЪЕ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Статья освещает политико-правовые аспекты межконфессионального конфликта в индийском г. Айодхье. Рассматривается вердикт Высшего суда г. Аллахабада 2010 г. о разделе спорной территории между индульской и мусульманской общинами, а также отношение современного индийского общества к самому конфликту. В контексте возможного обострения территориального спора в преддверии парламентских выборов 2014 г. анализируется деятельность проиндусской политической партии Бхаратия джаната парти.

Ключевые слова: Айодхья, Бабри Масджид, Бхаратия джаната парти, парламентские выборы.

The paper covers political and legal aspects of the religious conflict in Ayodhya with a focus on 2010 verdict of the Allahabad High Court as well as the attitude of Indians to the conflict proper. The paper analyzes Bharatiya Janata Party's electoral campaign on the eve of 2014 parliamentary elections and its potential impact on the conflict.

Key words: Ayodhya, Babri Masjid, Bharatiya Janata Party, parliamentary elections.

Конфликт в г. Айодхье (штат Уттар-Прадеш, округ Файзабад) — одна из наиболее острых коллизий новейшей истории Индии во взаимоотношениях между двумя самыми многочисленными религиозными общинами страны — индусами и мусульманами¹. Юридическое выражение этот давний раздор имеет в начавшемся еще в XIX в. территориальном споре между различными индускими и мусульманскими организациями за участок земли площадью в 67,7 акров на холме Рамкот, где до 1992 г. располагалась мечеть Бабура (Бабри Масджид)². Спорная земля представляет колоссальную религиозную ценность как для мусульман, которые проводили в мечети намаз с момента ее основания в 1528 г., так и для индусов,

¹ К проблеме индуско-мусульманского противостояния в Индии в целом и в Айодхье в частности обращались такие отечественные исследователи, как Е.Ю. Ванина, И.П. Глушкова, Б.И. Клоев, В.П. Кашин и др.

² Захир ад-дин Мухаммад-шах Бабур (1483–1530) — правитель Индии в 1526–1530 гг., основатель династии Великих Моголов. Бабур известен также как поэт и покровитель культуры и искусств. При нем были заложены такие знаменитые архитектурные памятники Индии, как сады Чар-багх в Дели и Рам-багх в Агре, и построено большое количество мечетей.

издавна веривших, что на этом месте был рожден Рама — главный герой древнеиндийской эпической поэмы «Рамаяна», считающийся аватарой Вишну³. Индусы полагают, что до строительства мечети в XVI в. в Айодхье находился индусский храм, который был разрушен при Бабуре. Ссылаясь на древнеиндийский эпос и данные археологических раскопок, которые с 1970-х годов проводила в Айодхье Археологическая служба Индии (АСИ)⁴, ряд индусских политических организаций в 1980-х годах развернули движение за воссоздание храма в честь легендарного героя. Печальным итогом этого движения стало разрушение Бабри Масджид в 1992 г., приведшее к обострению межконфессиональных отношений по всей стране и дальнейшему затягиванию судебного процесса, который начался в середине XX в. К настоящему времени в судебном деле с индусской стороны принимают участие два объединения: международная индусская националистическая организация Вишва хинду паришад (Всемирный совет индусов, далее — ВХП) и ассоциация Нирмохи акхара (Объединение садху, отказавшихся от земных привязанностей)⁵. Позицию же мусульман в суде отстаивает Комитет по делам суннитских вакфов штата Уттар-Прадеш.

Спор длиной в полтора века

Судебная тяжба за территорию, где стояла мечеть Бабура, насчитывает более полутора столетий. Объектом судебных исков этот участок земли стал в середине XIX в.: мусульмане впервые обратились с протестной петицией в суд округа Файзабад в 1857 г., когда

³ Рама является одной из самых популярных инкарнаций Бога в индуизме (в особенности у вишнуитов). При этом многие индусы считают Раму реальной исторической фигурой — правителем древнеиндийского царства Кошала (Косала) со столицей в Айодхье.

⁴ В частности, в последнем докладе АСИ за 2003 г. делался вывод о том, что археологические памятники, найденные под бывшей мечетью, — кирпичи, основания колонн и пр. — «идентифицируются как артефакты, характерные для индусских храмов северной Индии». Доклад вызвал дискуссию в сообществе археологов Индии. Так, участники раскопок от Университета им. Дж. Неру (Нью-Дели) и Алигархского мусульманского университета отмечают, что АСИ, получившая запрос на археологические изыскания от находившейся тогда у власти проиндусской Бхаратия джаната парти, «очевидно, вела раскопки, стремясь обнаружить под руинами мечети индусский храм и селективно отбирала археологический материал для того, чтобы доказать существование такого храма». Menon J., Varma S. Was There a Temple Under the Babri Masjid? Reading the Archaeological 'Evidence' // Economic & Political Weekly (далее — EPW). 2010. Vol. XLV. N 50. P. 61–64.

⁵ Акхара — ассоциация индусских садху, или аскетов, отказывающихся от следования трем целям жизни индуса (дхармы, артхи и камы) и посвящающих себя достижению мокши (абсолютного освобождения от земных привязанностей и слиянию с богом). Официально признанными считаются 14 акхар, в том числе Нирмохи акхара, члены которой поклоняются исключительно Раме и позиционируют себя в качестве единственных «истинных» последователей Рамы.

индусы без каких-либо официальных разрешений соорудили рядом с мечетью каменный стереобат — архитектурное обозначение места рождения Рамы, или *рам чабутра*⁶. Британские власти попытались решить проблему путем возведения в 1859 г. каменной стены, отделяющей мечеть от *рам чабутры*, но это не устроило мусульман. Они требовали остановить юридически не санкционированный раздел территории при мечети, однако все последовавшие петиции общины (1860, 1877, 1883 и 1884 гг.) не нашли положительного ответа со стороны англичан⁷. В 1885 г. индусская сторона решила официально заявить о своих правах на данную территорию: индусская община (в лице брахмана Рагхубара Даса) подала в окружной суд Файзабада запрос на получение свидетельства на владение землей и разрешения на строительство индусского храма. Кроме этого, в иск было включено требование юридического признания того факта, что прилегающая к мечети территория является местом рождения Рамы⁸. Но британские власти отклонили эти и другие подобные иски. Постепенно обе общины перестали подавать в суд протестные иски, и спор вокруг территории Бабри Масджид не возобновлялся вплоть до середины XX в. При этом как мусульмане, так и индусы продолжали совершать обряды на территории мечети.

В период беспрецедентного индусско-мусульманского противостояния, обусловленного разделом Индии 1947 г., территория в Айодхье снова стала центром межобщинных разногласий. В ночь на 23 декабря 1949 г. по завершении в Айодхье массовой религиозной акции в честь Рамы — девятидневного публичного чтения эпической поэмы «Рамачаритаманаса»⁹ — несколько индусов установили скульптурные изображения героя и его супруги Ситы непосредственно внутри мечети, спровоцировав тем самым серьезные столкновения с последователями ислама. Во избежание массовой резни власти приняли решение закрыть публичный доступ в Бабри Масджид всем религиозным общинам до решения суда — до этого доступ в мечеть и на прилегающую к ней территорию имели и мусульмане, и индусы.

В 1950 г. мечеть и прилегающая территория были в судебном порядке признаны «спорными»¹⁰. После этого началось судебное

⁶ Menon J., Varma S. Op. cit. P. 62.

⁷ Ibidem.

⁸ Patel G. Idols in Law // EPW. 2010. Vol. XLV. N 50. P. 48.

⁹ «Рамачаритаманаса» («Океан деяний Рамы») — написанная в Айодхье эпическая поэма средневекового индийского поэта Тулсидаса (1532–1623), повествующая о жизни Рамы, который в индуизме считается одним из воплощений бога Вишну.

¹⁰ Chronology of Ayodhya's Ram Janambhoomi-Babri Masjid Title Suit Issue. URL: <http://web.archive.org/web/20101001232319/http://www.ibtimes.com/articles/66354/20100928/ayodhya-supreme-court-babri-masjid-ram-temple.htm>

разбирательство. В окружной суд Файзабада были поданы следующие иски: иск 1950 г. от члена индульской религиозно-общинной партии Хинду махасабха (Великое собрание индусов) Г.С. Вишарада, требовавшего беспрепятственного отправления индульских обрядов на спорной территории; иск 1959 г. от ассоциации Нирмохи акхара, претендовавшей на всю территорию мечети; и иск 1961 г. от Комитета по делам суннитских вакфов, содержавшего просьбу открыть мечеть для мусульман¹¹. Однако вплоть до 1980-х годов ход этого длительного судебного процесса не предавался широкой общественной огласке.

Следующий этап в истории конфликта связан с активизацией политической деятельности партии «индульского национализма» Бхаратия джаната парти (Партия индийского народа, далее — БДП). Вместе с идеологически близкими ей ВХП и проиндульской националистической организацией Раштрия сваямсевак сангх (Союз добровольных служителей родины, далее — РСС) эта партия в 1980-х годах инициировала движение за возведение индульского храма на месте рождения Рамы. Это движение получило название по месту рождения легендарного героя — *Рам Джанмабхуми*. По замыслу одного из лидеров БДП Л.К. Адвани, такая акция должна была стать основным средством привлечения избирателей из числа «индульского большинства». На сессии ВХП в апреле 1984 г. была принята резолюция об «освобождении» святых для индулов мест в Айодхье, Варанаси и Матхуре от мечетей¹². В резолюции, в частности, говорилось: «Храмы Рам Джанмабхуми, Каши Вишванатх (на месте пребывания Шивы в Варанаси. — *М.Т.*) и Кришна Джанмастхан (на месте рождения Кришны в Матхуре. — *М.Т.*) должны быть возвращены индусам»¹³.

В ответ на развертывание движения *Рам Джанмабхуми* и разрешение окружного суда Файзабада проводить на спорной территории пуджу¹⁴ мусульмане образовали в 1986 г. Комитет по защите Бабри

¹¹ Menon N. The Ayodhya Judgment: What Next? // EPW. 2011. Vol. XLVI. N 31. P. 81–89.

¹² См.: Ремизова Е.С. Хиндутва — идеология культурного национализма, и ее влияние на политику Бхаратия джаната парти в области образования и культуры в период 1998–2004 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 12.

¹³ Dharma Sansad I. URL: <http://vhp.org/conferences/dharmasansads/dharma-sansad-1>.

¹⁴ Пуджа — индульский религиозный обряд, возложение к образу божества пищи, воды, цветов и других даров.

Вышеуказанное решение суда Файзабада принято связывать с желанием федерального правительства Индии во главе с Р. Ганди «компенсировать» индульской общине принятие «Закона о защите прав мусульманок на развод»: по этому закону, с 1986 г. вопросы развода мусульман регулируются не общеправовым кодексом, а нормами шариата. В пользу же индулов и индульского права схожих законов принято не было.

Масджид, но в конечном итоге не смогли противостоять напору индусского коммуналистского движения. Провоцирование межконфессиональных столкновений лидерами проиндусского политического движения, в первую очередь Л.К. Адвани, и бесконечные призывы к «возрождению» храма в честь Рамы подкреплялись и конкретными действиями, — к примеру, закладкой в 60 м от мечети первого камня в основание индусского храма 10 ноября 1989 г.¹⁵, а также активизацией подготовки *кар севаков*¹⁶ в специальных лагерях РСС для молодежи. Кроме того, в 1989 г. индусские националисты присоединились к судебному разбирательству: вице-президент ВХП Д.Н. Агравал подал исковое требование о передаче спорной территории Раме в лице Организации «Друзей юного Рамы» (Ram Lalla Next Friend)¹⁷. Все это привело к тому, что *ятра* (массовое религиозное шествие) в Айодхью в декабре 1992 г. — при фактическом бездействии официальных властей — обернулась разрушением Бабри Масджид.

Снос мечети 6 декабря 1992 г. повлек за собой массовые индусско-мусульманские столкновения, жертвами которых в 1992–1993 гг. стали не менее двух тысяч человек¹⁸. Сразу после разрушения мечети федеральное правительство сформировало специальную комиссию для расследования произошедшего, которую возглавил судья Верховного суда Индии М.С. Либерхан¹⁹.

В 1993 г. спорная земля была взята под государственный военный контроль. В 1994 г. Верховный суд Индии ввел запрет на любую религиозную деятельность на месте бывшей мечети до решения Высшего суда г. Аллахабада (штат Уттар-Прадеш). Этого юридического решения ждали в Индии с нетерпением, ведь судебное разбирательство фактически продолжалось более полутора столетий: с 1850-х годов до 1987 г. в суде округа Файзабад, затем — в Высшем суде Аллахабада (далее — ВСА).

Вердикт ВСА был опубликован 30 сентября 2010 г. Коллегия из трех судей²⁰ постановила разделить спорную землю на три части: между Рамой (фактически «Друзьями юного Рамы»), ассоциацией Нирмохи акхара и Центральным комитетом по делам суннитских

¹⁵ URL: <http://www.babrimasjid.info/history>

¹⁶ *Кар севак* (*kār sevak*) — религиозный активист, добровольно участвующий в религиозно-политических кампаниях.

¹⁷ Примечательно, что «Друзья юного Рамы» претендуют на выражение мнения всей индусской общины.

¹⁸ Timeline: Ayodhya holy site crisis. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-south-asia-11436552>.

¹⁹ Текст доклада комиссии опубликован на сайте Министерства внутренних дел Индии — mha.nic.in/pdfs/Lib-Comm-I-A.pdf.

²⁰ Судьи ВСА изучали многотомное дело с 1987 г.; судебные слушания были открыты только в 2002 г.

вакфов Уттар-Прадеша²¹. Рама, согласно заключению суда, «получил право» на территорию, где установлено его скульптурное изображение (в границах бывшей мечети); организации Нирмохи акхара досталось место, где в конце 1980-х гг. было заложено основание индуcского храма, и северо-западная часть оспариваемой территории — так называемая *сита расои* («кухня Ситы»), где, по преданию, супруга Рамы Сита впервые приготовила ужин для мужа. Комитету по делам суннитских вакфов суд отвел треть территории под бывшей мечетью²². В итоге индуcская сторона получила суммарно большую площадь, чем мусульмане.

Вердикт был оспорен всеми участвующими сторонами в Верховном суде Индии. В мае 2011 г. последний приостановил решение ВСА и на время продолжающегося судебного разбирательства ввел прежний (по состоянию на 1994 г.) территориальный и правовой режим на спорной земле. Сегодня дело о территории в Айодхье находится на рассмотрении Верховного суда Индии. Таким образом, спустя более 20 лет с момента разрушения Бабри Масджид, а также спустя десять лет с начала последнего возобновления судебного разбирательства вопрос о праве собственности на священные территории в Айодхье остается открытым.

Юридические казусы «дела о собственности»

В среде индийских правоведов развернулась широкая дискуссия по различным аспектам громкого дела. Из наиболее существенных правовых недостатков судебного дела чаще всего упоминаются следующие.

Прежде всего обращает на себя внимание несоответствие вердикта исковым требованиям, объединенным в общее производство в 1989 г. — после подачи иска от ВХП. Так, Комитет по делам вакфов, получивший по решению суда во владение треть спорной территории, не претендует на право собственности, а требует признать лишь законность отправления мусульманских религиозных обрядов на месте бывшей мечети. В то же время и Вишва хинду паришад, и Нирмохи акхара, настаивающие на признании их права собственности, определяют границы желаемого объекта по-разному: в отличие от Нирмохи акхара, запросившей права на всю спорную территорию, ВХП хочет получить лишь ту землю, где в 1989 г. был

²¹ Краткое содержание обширного судебного заключения доступно здесь: Ram Janambhoomi — Babri Masjid Order of The Lucknow Bench of Allahabad High Court. URL: <http://indialawyers.wordpress.com/2010/09/30/the-ayodhya-judgement-orders-ram-janambhoomi-babri-masjid-order-of-the-lucknow-bench-of-allahabad-high-court/>.

²² Ram Janambhoomi — Babri Masjid Order of The Lucknow Bench of Allahabad High Court. URL: <http://indialawyers.wordpress.com/2010/09/30/the-ayodhya-judgement-orders-ram-janambhoomi-babri-masjid-order-of-the-lucknow-bench-of-allahabad-high-court/>.

заложен индусский храм. Кроме того, по мнению ряда юристов, суд в принципе не обладал законными основаниями рассматривать иск со стороны «Друзей юного Рамы», так как эта организация не имеет «юридически оформленного разрешения представлять несовершеннолетнего героя»²³.

Вынесенное решение не соответствует и тем основаниям, из которых исходил суд. К примеру, судейская коллегия признала, что руины Бабри Масджид нельзя считать мечетью. В соответствии с этим спорная территория не должна представлять религиозного интереса для мусульман. Тем не менее решением суда от 30 сентября 2010 г. треть спорной земли была все же присуждена Комитету по делам суннитских вакфов.

Рассматриваемое судебное заключение показательно и как пример выборочного признания отдельных положений веры в качестве юридических доказательств. Так, судейская коллегия доказала право на собственность «со стороны Рамы», используя в качестве аргумента «факт» рождения легендарного героя на оспариваемой земле. Последний же «подтверждается» исключительно верой индусов в святость данной территории. В то же время суд отказался признать Бабри Масджид мечетью «за недостатком архитектурных признаков, характерных для данного типа построек». При этом признания самими мусульманами этого сооружения в качестве мечети для суда оказалось недостаточно.

Отмеченные обстоятельства свидетельствуют о некорректности применения религиозных аргументов в юридических тяжбах между общинами. Кроме того, решение, вынесенное в конечном итоге в пользу индусской общины, создает опасный для поликонфессиональной Индии прецедент: как отмечает обществовед Г. Арунима, «признание спорной территории местом рождения индусского божества открыло опасную дверь религиозно-правовому мажоритаризму в Индии»²⁴.

Айодхья и политика

Решение ВСА имело значительный резонанс в самых разных группах индийского общества. Сторонники «худого мира» из числа индийских обществоведов одобрили этическую сторону решения относительно раздела спорной территории между всеми претендентам²⁵. В то же время реакцию действующих властей на решение Аллахабадского суда можно назвать предсказуемо осторожной: представители Индийского национального конгресса, претендую-

²³ Menon N. The Ayodhya Judgment... Op. cit. P. 85.

²⁴ Arunima G. Ayodhya Verdict: Bad Theology, Without Justice // EPW. 2010. Vol. XLV. N 41. P. 13–14.

²⁵ Menon N. The Second Demolition. URL: <http://kafila.org/2010/10/02/the-second-demolition-ayodhya-judgement-september-30-2010/>

щего на отражение интересов разных социальных страт, отметили необходимость детального изучения вердикта, который «не только отвечает [на вопросы], но и ставит новые вопросы»²⁶. Премьер-министр страны Манмохан Сингх, в частности, призвал «сохранять мир и порядок, а также уважение ко всем религиям Индии»²⁷. В свою очередь, Коммунистическая партия Индии (марксистская) заявила о том, что в подобных спорных вопросах нельзя делать заключения, «основываясь на апелляции к вере»²⁸.

В то же время Бхаратия джаната парти и Раштрия сваямсевак сангх встретили вердикт с воодушевлением, называя его «торжеством веры над правом»²⁹ и утверждая, что признание спорной территории в Айодхье местом рождения Рамы «открывает двери к строительству индуистского храма»³⁰. Тем не менее под общественным давлением лидеры указанных партий Л.К. Адвани и М. Бхагват, призвали обе общины «контролировать свои эмоции»³¹. Все это — вкупе с введением дополнительных мер безопасности в Айодхье и ряде других «горячих точек» Индии после оглашения приговора ВСА — подтверждает противоречивый характер рассматриваемого судебного решения.

Несмотря на большую волну общественной критики, за решением ВСА не последовало ни радикальных призывов от религиозно ориентированных политических сил, ни противоправных действий со стороны обеих общин. Вопреки пессимистичным ожиданиям властей и общественности как в 2010 г. после оглашения вердикта, так и в декабре 2012 г. — в канун 20-летия со дня разрушения Бабри Масджид, — индуистско-мусульманские противоречия в регионе не обострились. Более того, сегодня в индийских и международных СМИ популярны такие заголовки: «Индия морально переросла Айодхью»³², «Индия оставила Айодхью в прошлом»³³.

²⁶ Ayodhya Verdict: Allahabad High Court Says Divide Land In 3 Ways. URL: <http://www.ndtv.com/article/india/ayodhya-verdict-allahabad-high-court-says-divide-land-in-3-ways-56063>.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Read the Ayodhya Judgment: BJP Advice to Left. URL: <http://www.zeenews.com/news659771.html>.

²⁹ Ayodhya Verdict Upholds Faith. Time to Resolve Dispute: Advani. — <http://www.ndtv.com/article/india/ayodhya-verdict-upholds-faith-time-to-resolve-dispute-advani-56669>.

³⁰ Ayodhya Verdict: Allahabad High Court Says Divide Land In 3 Ways. URL: <http://www.ndtv.com/article/india/ayodhya-verdict-allahabad-high-court-says-divide-land-in-3-ways-56063>.

³¹ Ibidem.

³² Unnidhan S. India Outgrows Ayodhya. URL: <http://indiatoday.intoday.in/story/babri-masjid-demolition-india-outgrows-ayodhya/1/236633.html>

³³ Esselborn P. India Has Left Ayodhya Behind. URL: <http://www.dw.de/india-has-left-ayodhya-behind/a-16431795>.

Тем не менее вердикт ВСА, по которому при разделе земли между всеми участниками дела индусская община получала две трети спорной территории, демонстрирует, что общинные настроения составляют серьезную конкуренцию официальной секулярной политике государства. Фактически судебное решение было вынесено в пользу индусов, причем не конкретных участников судебного разбирательства, а общины в целом: обращаясь к участникам дела, суд использует не официальные наименования организаций-истцов, а обобщения — «индусы» и «мусульмане»³⁴. Это, по мнению индийской исследовательницы Н. Менон, может стать ключом к потенциальному решению проблемы с помощью общественной дискуссии: «Если “индусы” и “мусульмане” являются участниками судебного дела, то необходимо учесть мнение представителей обеих общин. Мы должны настаивать на проведении широкой дискуссии по всей стране»³⁵.

Примечательно, что с предложением о переговорах выступила и Бхартия джаната парти. В частности, недавно избранная на пост вице-президента партии Ума Бхарти — известный идеолог и активист движения за возведение на спорной территории индусского храма — 1 апреля 2013 г. заявила: «Решение территориального спора в Айодхье может быть найдено в плоскости закона в судебном порядке или путем переговоров. Лучше, если это будут переговоры»³⁶. Однако представляется, что в данном случае апелляция к «переговорам» — это, скорее, политический ход БДП: чем дольше продолжается судебное разбирательство, тем больше шансов у сторонников «индусского национализма» влиять на голоса избирателей. В преддверии парламентских выборов 2014 г. подобные заявления от БДП безусловно направлены на привлечение на свою сторону большего числа избирателей. Кроме того, в случае принятия «окончательного» вердикта некоторые политические лидеры, в первую очередь представители БДП, могут на основании выводов комиссии Либерхана понести уголовную ответственность за события 1992 г.: в итоге 17-летнего расследования, результаты которого увидели свет 30 июня 2009 г., было установлено, что снос Бабри Масджид целенаправленно подготовили националистические организации Индии, включая БДП и ВХП.

³⁴ Ram Janambhoomi — Babri Masjid Order of The Lucknow Bench of Allahabad High Court. URL: <http://indialawyers.wordpress.com/2010/09/30/the-ayodhya-judgement-orders-ram-janambhoomi-babri-masjid-order-of-the-lucknow-bench-of-allahabad-high-court/>

³⁵ Menon N. The Ayodhya Judgment... Op. cit. P. 89.

³⁶ Dialogue Best Way to Solve Ayodhya Row: Uma Bharti. URL: <http://freepress-journal.in/dialogue-best-way-to-solve-ayodhya-row-uma-bharti/>

Вместе с этим тот факт, что вице-президентом БДП в марте 2013 г. назначена Ума Бхарти, свидетельствует, что конфликт в Айодхье продолжает оставаться важной политической картой для проиндусских националистических сил. Это подтверждается и теми заявлениями и действиями, которые исходят от руководителей БДП в последние месяцы. Так, 6 июля 2013 г. руководитель отделения БДП в Уттар-Прадеше Амит Шах посетил Айодхью, где, по его словам, совершил молитву за «освобождение нации от ошибочного правления Конгресса и установление власти БДП», а также за «завершение миссии по строительству храма в честь Рамы»³⁷. Более того, 19 августа 2013 г. правительство Уттар-Прадеша отклонило прошение ВХП провести в Айодхье с 25 августа по 13 сентября массовую *ятру*, чтобы вновь призвать общество к строительству индусского храма. Но несмотря на запрет демонстрации, ВХП при участии Бхаратия джаната парти приступила к организации *ятры*. В результате 25 августа 2013 г. были арестованы 350 активистов ВХП и БДП, а в Айодхью были стянуты дополнительные силы полиции. Очевидно, позицию Бхаратия джаната парти можно объяснить политическими мотивами: в условиях непредсказуемости предстоящих выборов БДП важно не потерять доверие имеющегося электората, привыкшего к традиционной проиндусской риторике партии. Напомним, что БДП ставила вопрос об Айодхье на повестку дня в ходе своей предвыборной кампании перед предыдущими парламентскими выборами. Готовясь к выборам 2009 г., БДП включила положение о необходимости строительства храма в честь Рамы в свой манифест³⁸. Однако это не помогло привлечь на сторону партии большее число избирателей, и БДП уступила победу Конгрессу. Основную роль в этом сыграла бескомпромиссная позиция БДП по вопросу Айодхьи: частые призывы к строительству храма воздействовали на уставших от беспорядков избирателей³⁹ в гораздо меньшей степени, чем на рубеже 1980–1990-х годов.

Тем не менее опыт предыдущих лет показывает, что межконфессиональный конфликт в Айодхье становится центральным объектом информационных сообщений в основном в ходе предвыборного периода. Он непременно останется одной из главных информационных тем и в ближайшее полугодие: перспективы развития конфликта и

³⁷ At Ayodhya Temple, Amit Shah Prays for BJP Rule in India. URL: <http://m.rediff.com/news/report/slide-show-1-modi-aide-amit-shah-promises-to-build-ram-temple-in-ayodhya/20130706.htm>.

³⁸ Bharatiya Janata Party: Manifesto. Lok Sabha Elections 2009. P. 48.

³⁹ People In Ayodhya Are Tired of Hatred And Bloodshed Of December 1992. URL: <http://www.dnaindia.com/india/1430595/report-people-in-ayodhya-are-tired-of-hatred-and-bloodshed-of-december-1992>.

судебного следствия в значительной степени определяются политической обстановкой в Индии, в том числе ходом и результатами предвыборной борьбы.

В то же время непрекращающийся более полувека судебный процесс по вопросу Айодхьи ставит под вопрос саму возможность принятия окончательного решения. Впрочем, это было очевидно уже в 1886 г., когда судья округа Файзабада отмечал: «Печально, что мечеть была построена именно на месте, священном для индусов, но это произошло более 350 лет назад и теперь слишком поздно зализывать старые обиды. Единственное, что можно сделать в данной ситуации — это сохранять в Айодхье существующее положение»⁴⁰. Волна критики и протестов в связи с решением ВСА в 2010 г. и его последующая отмена Верховным судом Индии показывают, что и сегодня держать под контролем данный конфликт можно, только сохраняя в Айодхье территориальный и правовой статус-кво.

Источники

Материалы официального сайта партии Вишва хинду паришад. URL: <http://vhp.org>.
Bharatiya Janata Party: Manifesto. Lok Sabha Elections. 2009. URL: http://www.bjp.org/index.php?option=com_content&view=article&id=137&Itemid=549
Ram Janambhoomi — Babri Masjid Order of The Lucknow Bench of Allahabad High Court. URL: <http://indialawyers.wordpress.com/2010/09/30/the-ayodhya-judgement-orders-ram-janambhoomi-babri-masjid-order-of-the-lucknow-bench-of-allahabad-high-court/>
Report of the Liberhan Ayodhya Commission of Inquiry. 2009. URL: mha.nic.in/pdfs/Lib-Comm-I-A.pdf

Список литературы

Ванина Е.Ю. История в политике: Борьба за прошлое в современной Индии. // Южная Азия: конфликты и компромиссы. М., 2004.
Глушкова И.П. Боги здесь и сейчас: Индусская мифология как инструмент создания североиндийской идентичности // Южная Азия: конфликты и компромиссы. М., 2004.
Глушкова И.П. Религиозная идентичность и политика национальной интеграции в Индии // Религия и конфликт. М., 2007.
Кашин В.П. Айодхья — мина замедленного действия // Азия и Африка сегодня. 2001. № 11.
Клюев Б.И. Религия и конфликт в Индии. М., 2002.
Интернет-сайт Американского совета индийских мусульман Indian American Muslim Council, посвященный Бабри Масджид. URL: <http://www.babrimasjid.info>.

⁴⁰ Patel G. Idols... Op. cit. P. 48.

Ремизова Е.С. Хиндута — идеология культурного национализма, и ее влияние на политику Бхаратия джаната партии в области образования и культуры в период 1998–2004 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009.

Arunima G. Ayodhya Verdict: Bad Theology, Without Justice // EPW. 2010. Vol. XLV. N 41.

At Ayodhya Temple, Amit Shah Prays for BJP Rule in India. URL: <http://m.rediff.com/news/report/slide-show-1-modi-aide-amit-shah-promises-to-build-ram-temple-in-ayodhya/20130706.htm>

Ayodhya Verdict: Allahabad High Court Says Divide Land in 3 Ways. URL: <http://www.ndtv.com/article/india/ayodhya-verdict-allahabad-high-court-says-divide-land-in-3-ways-56063>

Ayodhya Verdict Upholds Faith. Time to Resolve Dispute: A dvani. URL: <http://www.ndtv.com/article/india/ayodhya-verdict-upholds-faith-time-to-resolve-dispute-advani-56669>

BJP, SP Clash Over VHP's Ayodhya Yatra in Parliament. URL: <http://m.rediff.com/news/report/bjp-sp-clash-over-vhps-ayodhya-yatra-in-parliament/20130826.htm>

Chronology of Ayodhya's Ram Janambhoomi-Babri Masjid Title Suit Issue. URL: <http://web.archive.org/web/20101001232319/http://www.ibtimes.com/articles/66354/20100928/ayodhya-supreme-court-babri-masjid-ram-temple.htm>

Esselborn P. India Has Left Ayodhya Behind. URL: <http://www.dw.de/india-has-left-ayodhya-behind/a-16431795>

Dialogue Best Way to Solve Ayodhya Row: Uma Bharti. URL: <http://freepressjournal.in/dialogue-best-way-to-solve-ayodhya-row-uma-bharti/>

Mani L. Where Angels Fear To Tread: The Ayodhya Verdict // EPW. 2010. Vol. XLV. N 42.

Menon J., Varma S. Was There a Temple Under the Babri Masjid? Reading the Archaeological 'Evidence' // EPW. 2010. Vol. XLV. N 50.

Menon N. The Ayodhya Judgment: What Next? // EPW. 2011. Vol. XLVI. N 31.

Menon N. The Second Demolition. URL: <http://kafila.org/2010/10/02/the-second-demolition-ayodhya-judgement-september-30-2010/>

Patel G. Idols in Law // EPW. 2010. Vol. XLV. N 50.

People In Ayodhya Are Tired Of Hatred And Bloodshed of December 1992. URL: <http://www.dnaindia.com/india/1430595/report-people-in-ayodhya-are-tired-of-hatred-and-bloodshed-of-december-1992>

Read the Ayodhya Judgment: BJP Advice to Left. URL: <http://www.zeenews.com/news659771.html>

Timeline: Ayodhya holy site crisis. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-south-asia-11436552>

Unnidhan S. India Outgrow Ayodhya. URL: <http://indiatoday.intoday.in/story/babri-masjid-demolition-india-outgrows-ayodhya/1/236633.html>

Сведения об авторе: Тимофеева Мария Владиславовна, аспирант кафедры истории Южной Азии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: petrushinamaria@yahoo.com.

ПУБЛИКАЦИИ

А.С. Шахов

АРАБСКОЕ КИНО: ВЗГЛЯД ИЗ МОСКВЫ

Статья прослеживает историю появления и распространения в советском прокате арабских кинофильмов. Раскрывает содержание кинолент мелодраматического жанра и причины их зрительского успеха. Отражает радикальные изменения и современное состояние российского кинопроката, рассказывает об арабских игровых фильмах последних лет.

Ключевые слова: Советский Союз, арабское кино, фильмы, режиссеры.

The article traces the history of the emergence and distribution Arab movies in the Soviet Union. It discloses the content of the melodramatic genre films and the reasons for their success with audiences. Also it reflects the radical changes and the current state of Russian film market, tells about the Arab feature films of recent years.

Key words: Soviet Union, Arab cinema, films, directors.

Знакомство с арабским кинематографом в Советском Союзе состоялось в 1955 г. Тогда на наших экранах был показан фильм египетского режиссера Юсефа Шахина «Борьба в долине» (Сира фи-л-вади, 1954), где главную роль исполнила замечательная актриса Фатин Хамама, а ее партнером был дебютант, в будущем звезда мирового кино Омар Шариф. Наполненная богатой символикой и направленная на преодоление пережитков феодализма и совершенствование человека, кинолента покорила острым сюжетом о борьбе молодого агронома с преступником-латифундистом и его племянником, затопившими ради личной выгоды крестьянский урожай сахарного тростника, а также мастерски переданной трогательной истории любви главного героя к дочери феодала.

Широкий общественный резонанс вызвала затем и другая запоминающаяся картина Шахина — «Каирский вокзал» (Баб аль-хаид, 1958). Правдиво воссоздав горькую участь изгоев общества, занятых обслуживанием железнодорожных пассажиров, режиссер открыто показал вопиющие расхождения между мечтой и реальностью, затронув одновременно конфликты не только социальные, но и нравственно-психологические.

Глубокое впечатление на специалистов и рядовых зрителей произвел реалистический кинофильм Юсефа Шахина «Земля» (Аль-

Ард, 1970), поставленный по одноименному роману выдающегося национального писателя Абдеррахмана аш-Шаркави. Раскрыв в причинно-следственной взаимосвязи этапы крестьянского антифеодального восстания и последующего его беспощадного подавления, режиссер сделал на редкость конкретный и доказательный анализ антагонистических противоречий в египетской деревне начала 1930-х годов. Все центральные персонажи — феодал, решивший при поддержке властей проложить по участкам феллахов удобную дорогу к своему дворцу, перешедшие после первых репрессий в число сторонних наблюдателей происходившего противостояния лавочник и учитель, а также лидер восставших крестьянин-труженик Абу Сувейлим — получили в высшей степени убедительными, достоверными, законченными характерами.

Неопровержимым свидетельством того, что Юсеф Шахин никогда не удовлетворялся достигнутым и находился в постоянном творческом поиске, явилась его автобиографическая кинолента «Александрия, почему?» (Аль-Искандарийя, лейх, 1979). В отличие от предшествовавших работ кинематографиста данная картина логически выверенного сюжета не имела и оказалась построена из мозаики отрывочных воспоминаний автора об Александрии начала 1940-х годов. Нельзя не отметить искренность, с какой была воспроизведена личность самого Шахина в молодые годы — живого, энергичного и любознательного юноши из семьи небогатого адвоката, мечтающего получить кинематографическое образование в Пасадене (США). В ожидании вожаемого приглашения на учебу, он пытается снять любительский фильм, разучивает роль Гамлета, заводит любовные интрижки, устраивает вместе с друзьями «капустники»... Сочные зарисовки александрийского быта того напряженного времени, когда войска гитлеровского генерала Роммеля стояли под Эль-Аламейном, перемежались с кадрами хроники — английской, немецкой, арабской, придававшими фильму дополнительную масштабность и достоверность. В то же время при просмотре темпераментной и динамичной киноленты парадоксальным образом ощущалась какая-то отстраненность кинорежиссера от того, что он показывал. Юсеф Шахин словно говорил: именно таким был его родной многоликий интернациональный город, а смысл и мораль увиденного пусть зритель определяет самостоятельно.

Заметным успехом у советской зрительской аудитории также пользовались игровые ленты основоположника и классика реалистического направления в кино Египта Салаха Абу Сейфа. Они привлекали своей добротной, логически выстроенной драматургией, умением кинематографиста работать с актерами, стремлением предметно и в доходчивой форме показывать и анализировать

животрепещущие общественно-политические и нравственные проблемы своей родины. Особенно высокие положительные оценки заслужили картины, выпущенные режиссером в творческом содружестве с великим арабским писателем Нагибом Махфузом. Например, фильм «Мастер Хасан» (Уста Хасан, 1952) привлек почти документальной достоверностью отображения трудной повседневной жизни обитателей так называемых народных кварталов Каира. С искренностью истинного художника и гражданина, остро чувствующего чужую боль, Салах Абу Сейф рассказал о влачащем полуголодное существование рабочем, попытавшемся избавиться от удручающей нищеты благодаря роману с богатой женщиной из привилегированного сословия. Однако, столкнувшись с цинизмом и равнодушием власть имущих к обездоленным ими же людям, герой решительно отказывался от опрометчивого шага и, в конце концов, возвращался к бедной, но честной жизни.

Разносторонним анализом общественной среды отличалась кинолента «Сильный» (Аль-Футууа, 1957), подтвердившая незаурядный профессионализм и художественную зрелость кинорежиссера. Реализовать непростой замысел фильма, разоблачавшего спекулятивные махинации, царившие на каирском овощном базаре накануне национально-демократической революции 1952 г., в значительной мере помогли его богатая экранная символика и сугубо национальный колорит. Неизгладимое, пронзительное впечатление производили уже первые эпизоды киноленты. Передавая в них чудовищную степень унижения и эксплуатации простого человека, Салах Абу Сейф показывает долгим планом изможденные семенящие ноги пришедшего в город безземельного крестьянина, вместо заболевшего осла, взявшегося подработать «рикшей». Выбываясь из сил, для легкости передвижения он придерживает на весу подхваченный зубами подол своей выдавшей виды заношенной галабейи. Параллельно, жестким контрапунктом, демонстрируются копыта бодро бегущего рядом ишака, везущего абсолютно такую же телегу, на которой с большим комфортом расположился счастливый и беззаботный владелец животного. Когда же наступает долгожданный обеденный перерыв, измотанный человек-рикша в упоении грызет корку засохшего хлеба. А находящийся поблизости осел, тоже перевозивший телегу с товарами, лакомится поданной ему заботливым хозяином сочной и вкусной морковкой...

Многочисленные положительные оценки в Советском Союзе заслужила масштабная кинокартина Салаха Абу Сейфа «Каир 30-х годов» (Аль-Кахира саласин, 1966), созданная по мотивам романа Нагиба Махфуза «Новый Каир» (Аль-Кахира аль-джадида). Через

по-разному сложившиеся судьбы трех молодых людей, друживших в студенческую пору и мечтавших после университета участвовать в подготовке и проведении в стране коренных демократических преобразований, режиссер со свойственным ему разносторонним проникновением в общественную среду, чувства и мысли экранных героев критически воспроизвел нелицеприятную картину противоречивой жизни египетской столицы 1930-х годов. С экрана на зрителя смотрела правда, и она была свойственна буквально каждому отдельно взятому кадру кинофильма.

Советские зрители могли увидеть киноленты и самого последовательного представителя реалистического направления в киноискусстве Египта Тауфика Салиха, в частности, «Улицу дураков» (Дарб аль-махабил, 1955), вышедшую при активной личной поддержке видного национального писателя и общественного деятеля, лауреата Нобелевской премии Нагиба Махфуза. Трагикомедия о чудачковатом бедняке-каирце, оказавшемся обладателем счастливого лотерейного билета с крупным денежным выигрышем, за которым охваченные жадой обогащения обезумевшие соседи устроили настоящую охоту, не ограничилась одной лишь достоверной обрисовкой быта столичного «народного квартала». С едкой иронией она изобличила одновременно продажность, лицемерие и показное благочестие его обитателей, казавшихся в начальных кадрах фильма, людьми вполне здравомыслящими, добропорядочными и законопослушными.

Остротой поставленных социальных и нравственных проблем обратила на себя внимание кинокартина Тауфика Салиха «Бунтовщики» (Аль-Мутамарридун, 1968) о восстании не выдержавших нестерпимых условий содержания пациентов туберкулезного диспансера и изгнавших весь административный аппарат вместе с директором. Как и следовало ожидать, в эпилоге кинофильма окружные власти подавляют выступление «смутьянов» и силой восстанавливают статус-кво. Однако познавшие незабываемое и прекрасное чувство пусть кратковременной, но все-таки победы, вчерашние «бунтовщики» отныне станут гораздо требовательнее и критичнее смотреть на проявления несправедливости, тверже верить в собственные силы и в возможность изменить в перспективе неприемлемую ситуацию в свою пользу.

В ряду лучших кинофильмов Египта, показанных в Советском Союзе, находилась замечательная философско-психологическая историческая драма Шади Абдель Саляма «Мумия» (Аль-Мумиа, 1969–1975). История о юном вожде племени, узнавшем о тайном источнике благополучия сородичей, которые перепродавали сокровища фараонских захоронений контрабандистам, побуждала к

напряженным размышлениям о том, что важнее для людей — удовлетворение сиюминутных насущных потребностей или же сохранение для потомков великих памятников старины. Нельзя не отметить: чтобы убедительнее выявить духовную связь времен, кинематографист в высшей степени удачно и результативно использовал при реализации своего замысла художественно-изобразительный стиль древнеегипетского рисунка. Важный смысловой фон сюжетной интриги одновременно составили величественные храмы, их неповторимые интерьеры, виды Нила, общие планы пустыни. При этом в цветовой гамме поистине уникальной кинокартины, оттеняя ее драматизм, оправданно преобладали темно-коричневые и черные тона, а яркие краски оказались приглушены. Также вполне уместно использовалось главным образом рассеянное без резких контрастных теней освещение.

Говоря о восприятии фильмов египетского производства, стоит указать на специфику доминировавших в 1950–1970-е годы вкусовых пристрастиях советской зрительской аудитории. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. властно потребовала от народов СССР неисчислимых лишений, жертв, максимального напряжения духовных и физических сил. Кинематограф тоже участвовал в борьбе против фашизма, ответственно и с честью выполнял возлагавшиеся на него важнейшие политические функции — пропагандировал чувство патриотизма, убежденность в победе, веру в социализм, правительство и военное командование. Однако после долгожданного разгрома сил фашистской Германии и ее европейских союзников и взятия Красной Армией Берлина, и кинематографистам, и кинозрителям захотелось большей свободы выбора фильмов, более широкого их тематического и жанрового разнообразия. В новых изменившихся обстоятельствах при сохранявшемся высоком интересе к фильмам патриотической тематики существенно возросла потребность в кинолентах, посвященных личной жизни людей, — вопросам любви, семейных отношений, воспитания чувств.

Именно этим в значительной мере можно объяснить большой успех на советских экранах мелодраматических кинолент Египта, которые являлись, в конечном счете, нравственной проповедью, имели целью утверждать в сознании и сердцах кинозрителей близкие и понятные благородные принципы гуманизма и справедливости. Разноплановые по охвату изображаемого материала мелодраматические кинофильмы не столько отображали действительность, сколько внушали, каким образом уклоняться от ошибок, что надо делать и что делать нельзя, призывали к праведным поступкам по отношению к окружающим. При всем том, в острой сюжетной ин-

триге с традиционным резким противопоставлением добра и зла, чести и бесчестья, правды и лжи часто обнаруживались режиссерская чуткость в понимании чувств и поступков воссоздававшихся характеров, выразительность пластики и мимики популярных звезд египетского кино. Большим зрительским успехом пользовались фильмы, где снимались, например, Фатин Хамама, Шадиа, Надия Лутфи, Суад Хусни, Мирфат Амин, Нагля Фатхи, Имад Хамди, Ахмед Мазхар, Шукри Сархан, Камаль аль-Шнауи, Хусейн Фахми, Махмуд Ясин, Нур аль-Шариф и другие талантливые актеры и актрисы национального кинематографа. Простота и доступность понимания конфликтных ситуаций, сопровождавшихся высоким эмоциональным накалом экранного повествования, обеспечивали сочувственное отношение к мелодраматическим героям — сначала жестоко обманутым, униженным и глубоко страдающим, но потом, несмотря на, казалось бы, непреодолимые враждебные обстоятельства, все же обретавшим личное счастье и желанную душевную гармонию.

Среди лидеров советского театрального проката были, в частности, профессионально сделанные сентиментальные нравоучительные мелодрамы «Неизвестная женщина» (Аль-Мара аль-маджхула, 1959) Махмуда Зулфакара и «Черные очки» (Ан-Наззара ас-сауда, 1963) Хуссама ад-Дина Мустафы. А что касается необыкновенно трогательной ленты Хасана Рамзи «Белое платье» (Ар-Рида аль-абъяд, 1975), то она вообще стала чемпионом кинопроката, в одном только 1976 году собрав 61 миллион зрителей. Историю очаровательной девушки-продавщицы из простой семьи, пережившей великое множество совершенно незаслуженных тяжких испытаний, сохранившей при этом честь и достоинство, авторы показали с таким искренним человеческим сочувствием и с такой любовью, что она не могла не покорить сердца самых широких слоев зрительской аудитории Советского Союза.

Вслед за Египтом в советском кинопрокате появились кинофильмы и других стран арабского мира. Например, кино Ирака было представлено интересными и самобытными кинофильмами Мухаммеда Шукри Джамиля «Жаждающие» (Аз-Замиун, 1972) и «Большой вопрос» (Аль-Масала аль-кубра, 1982). Первый из них отразил в полудокументальной манере драму страдавшей от жестокой засухи иракской сельской общины и подкупал зрителей неподдельным состраданием автора к нелегким судьбам простых крестьян национальной глубинки. Вторая кинокартина о героической борьбе иракцев в 1920-е годы против британской колониальной экспансии удачно спланировала документализм с языком выразительных кинема-

тографических метафор и аллегорий. Через кинофильм красной связующей нитью проходил хлесткий и красноречивый образ: бьющий из-под земли фонтан нефти, отражавшийся в стеклах биноклей и золоченых пенсне иноземных завоевателей, прямо и точно отражавший истинные помыслы и планы Великобритании, стремившейся к полновластному контролю над нефтяными ресурсами древней земли Месопотамии.

Демонстрировались в СССР также игровые ленты из Сирии. Среди них была удостоенная в Тунисе главного приза Карфагенского международного кинофестиваля кинокартина «Обманутые» (Аль-Махдуун, 1972). Поставил ее по повести Гассана Канафани «Люди под солнцем» (Риджал тахт аш-шамс) известный египетский режиссер Тауфик Салих. Через грустную историю трех палестинцев, нелегально пробиравшихся в поисках лучшей доли в Кувейт, которые из-за роковой заминки на границе погибали от удушья в раскаленной солнцем автоцистерне, проступала незавидная и горькая судьба народа-изгнанника. С пониманием и одобрением был встречен другой сирийский кинофильм Набиля аль-Малиха «Старые фотографии» (Бикая суар, 1979). Проследив процесс патриотического и социального прозрения деревенского прожектора и красная, думавшего поначалу лишь о сиюминутных мещанских выгодах, кинолента сумела убедительно нарисовать целостную картину сложной и напряженной национальной действительности, сложившейся в подмандатной Сирии накануне мощного народного антиколониального восстания 1925–1926 гг.

Заметный интерес привлек ливанский кинофильм Рафика Хаджара «Убежище» (Аль-Малджаа, 1981) — один из первых, посвящавшихся кровопролитной гражданской войне 1975–1976 гг. Мастерски сопоставив в прологе панорамы процветавшего и спокойного довоенного Бейрута с неузнаваемо изменившимися в результате ожесточенных боев полуразрушенными центральными кварталами, режиссер логично перешел к рассказу о мыслях и чувствах группы людей, скрывающихся в полуподвальном помещении в эпицентре вооруженного противостояния. События драматической киноленты, трактовались автором, скорее, в эмоциональном, а не в политическом аспекте. Однако она однозначно призывала к человеколюбию и миру, порождая чувство презрения и ненависти и к тем, кто был повинен в унесшей множество жизней междоусобной трагедии Ливана.

Жанровую и тематическую палитру советского кинопроката существенно обогащали также кинокартины, созданные в странах Арабского Магриба. Высокими художественными достоинствами и актуальностью заявленной темы отличался тунисский кинофильм

Тайеба Лухиши «Тень земли» (Зилл аль-ард, 1982), рассказавший о племени бедуинов, вынужденных отказываться от привычных жизненных устоев и многовековых традиций прошлого. Наступающая городская цивилизация, подчеркивает автор, — равнодушна и безжалостна к судьбам простых людей, проживающих в национальной глубинке. Кинематографист подтверждал это, показывая периодические наезды правительственных чиновников — то военных, беспалляционно забирающих в армию местную молодежь, то полицейских, требующих у неграмотных людей паспорта и другие, прежде абсолютно неизвестные им документы. Старикам и женщинам в печально складывающейся ситуации приходится уповать разве что на иллюзорную помощь от тех соплеменников, кому удалось уехать на заработки в Европу...

Близки и понятны народам Советского Союза, принесшим огромные жертвы во имя победы над силами агрессии и фашизма, были патриотические кинофильмы из Алжира. Особенно импонировало то, что, воспроизводя физические и духовные страдания в борьбе за национальную независимость, кинематографисты раскрывали в своих работах истоки нравственного героизма алжирцев, их права на вооруженную борьбу против ненавистного колониального порабощения Франции. Например, решенная в суровой полудокументальной стилистике лента Мухаммеда Лахдар Хамины «Ветер с Ауреса» (Рих аль-аурас, 1966) через историю алжирской крестьянки, разыскивающей арестованного карателями сына, доказательно и отчетливо проводила справедливую мысль о том, что не дано победить тех, кто готов за свободу родины платить высшей ценой — собственными жизнями. Его же эпическая кинокартина «Хроника огненных лет» (Вакаи ас-санауат аль-джабр, 1974), охватившая продолжительный период 1930-х — начала 1950-х годов, на примере типичной судьбы рядового крестьянина и его семьи разносторонне отразила процесс обретения алжирцами политического опыта, укрепления чувства патриотизма, мужества и закаливания характера.

Положительные отзывы вызвали марокканские публицистически заостренные политические кинофильмы Сухейля Бен Барки «Нефтяной войны не будет» (Харб аль-битруль лан така, 1975) и «Амок» (Амук, 1982). Действие первой киноленты происходило в некоем небольшом нефтедобывающем государстве. В ней на передний план съемочный коллектив выдвинул тему противостояния мафиозным иностранным и местным дельцам, жаждущим бессовестно и противозаконно приватизировать не принадлежавшие им минеральные богатства, ничего не оставив и без того обездоленному большинству трудового народа. В антирасистской картине «Амок» прозрение де-

ревенского учителя-африканца, впервые попавшего в большой город, оказавшегося свидетелем трагических событий в Соуэто 1976 года, на себе познавшего, что такое расовая дискриминация и вставшего на путь борьбы против режима апартеида, был интересен не только в плане политическом. В нем было много экспрессии, беспристрастная хроника сочеталась с памфлетом и гротеском. Немалую дополнительную художественную и публицистическую ценность киноленте придало участие в ней знаменитой южноафриканской певицы, борца за гражданские права Мириам Макеба.

В период существования Советского Союза немаловажным каналом знакомства с кинопроцессом стран арабского мира являлся экран Московского международного кинофестиваля. С 1959 по 1983 г. в его официальных конкурсных программах участвовали 33 полнометражных художественных кинофильма из Алжира, Египта, Ирака, Ливана, Марокко, Сирии и Туниса. Многие работы арабских кинематографистов были отмечены почетными наградами. В их числе — завоевавшие соответственно Серебряный и Специальный приз жюри «Омар Гатлато» (Омар каталатху ар-руджула, 1977) и «Али в стране чудес» (Али фи билад ас-сараб, 1981), созданные алжирскими режиссерами Мерзаком Алуашем и Ахмедом Рашеди. В 1983 г. Специальный приз жюри получила тунисская кинолента Тайеба Лухиши «Тень земли» (Зилл аль-ард), а кинокартина марокканца Сухейля Бен Барки «Амок» (Амук) удостоилась Золотого приза Московского международного кинофестиваля.

Примечательно то, что на Московских международных кинофестивалях традиционно проводились Дни Всесоюзного государственного института кинематографии — основанного в 1919 г. и являющегося самой старой киношколой в мире. Начиная с 1960-х годов специальности режиссера, оператора, художника, сценариста, киноведа в нем получили десятки представителей арабского мира. Многие из них сегодня успешно применяют полученные знания и профессиональные навыки у себя на родине. В ходе поездок в арабские страны мне неоднократно приходилось слышать от них слова глубокой благодарности и признательности ВГИКу и его преподавателям, которые щедро делились богатыми теоретическими знаниями и практическим опытом, оказавшими большую помощь в последующем становлении в качестве мастеров экранного творчества.

До второй половины 1980-х годов политика советского правительства в области кинопроката носила последовательный и отчетливо выраженный контролируемый характер. Она строилась следующим образом: примерно 70% демонстрировавшихся в кинотеатрах фильмов должны были быть отечественного производства,

15% — социалистических государств, 10% — развивающихся стран и 5% — США и Западной Европы. Разумеется, в этом была своя логика — плановость сочеталась с идеологическими установками высшего руководства СССР. Западные фильмы, в том числе американские, приобретаемые для массового проката в строго ограниченном количестве, просматривались специальными отборочными комиссиями и должны были в той или иной степени укладываться в русло советской контрпропаганды.

Отказ в годы «перестройки» от государственной монополии на ввоз иностранной экранной продукции привел к развитию тенденций, аналогичных тем, которые уже давно существовали в глобальном масштабе и которые сдерживались в СССР жесткими административно-политическими мерами. Очень быстро закупкой зарубежных фильмов, сопровождавшейся денационализацией кинопроката, занялись десятки частных коммерческих структур и совместных компаний. Идеологические, политические, культурные и нравственные критерии к концу 1980-х годов были по существу отброшены и забыты. Основным критерием стало получение прибыли любой ценой.

В итоге к середине 1990-х годов с российского экрана оказалось вытесненным не только отечественное кино, но и многие национальные кинематографии мира. Из репертуара кинотеатров за короткий промежуток времени исчезли фильмы восточноевропейские, индийские, арабские, латиноамериканские и других регионов земного шара. Главенствующее положение в российском театральном прокате утвердилось за кинофильмами американского производства. К концу 1990-х годов их удельный вес приблизился к 90 %. Кардинальное изменение функционирующего репертуара привело к тому, что зрители, особенно молодежь, в подавляющем большинстве случаев стали видеть только американскую кинематографическую картину мира, влияющую не только на формирование вкусовых пристрастий, но и на процессы социализации средствами киноэкрана.

Под влиянием «перестроечных» процессов с 1990-х годов исчезли из официальных конкурсных программ Московского международного кинофестиваля игровые фильмы арабского мира. Начавшие работать в его отборочных комиссиях новые люди не испытывают особого интереса к кинематографу данного ареала, считая его не столь уж важным источником информации или заслуживающим специального внимания феноменом художественно-эстетического порядка.

Между тем в 1990-е годы в Египте вышел целый ряд удачных кинофильмов. Можно, в частности, назвать затронувшую тему вер-

ности и измены сатирическую ленту о водителях микроавтобусов «Дьяволы асфальта» (Афарит аль-асфалт, 1995) режиссера Усамы Фаузи; тонкую с философским подтекстом трагикомическую картину Сайида Саида «Капитан» (Аль-Кубтан, 1997), воссоздавшую противоречивую действительность Порт-Саида конца 1940-х годов; основанную на фольклорном материале и живописно снятую кинодраму с элементами мистицизма из жизни Верхнего Египта «Финиковая водка» (Арак аль-балах, 1998) Радвана аль-Кяшифа. Из кинофильмов более позднего времени стоит отметить работу Мухаммеда Кямиля аль-Кальюби «Осень Адама» (Хариф Адам, 2004), зорко проследившую через драматическую судьбу крестьянина жизнь египетской провинции с 1940-х до 1970-х годов. Безусловно, останется в истории египетского кино также кинолента Марвана Хамида «Дом Якубиан» (Имарат Якубиан, 2006), нарисовавшая широкую панораму напряженной и чреватой непредсказуемыми последствиями обстановку в Египте последних лет правления президента Мубарака.

Совершенно справедливо в 2003 г. на Александрийском международном кинофестивале средиземноморских стран приза лучшего режиссёрского дебюта удостоилась посвященная драматической судьбе молодой школьной учительницы и открыто направленная против экстремизма, террора и насилия алжирская картина «Рашида» (Рашида), поставленная Яминой Башир. По праву лауреатом в Александрии стала также и кинолента из Марокко Фаузи Бен Саиди «Тысяча месяцев» (Алф шахр). В рассказе о крестьянке, переехавшей после ареста мужа в дом престарелого свекра, используя элементы гротеска и черного юмора, автор отобразил пороки национальной провинции начала 1980-х годов, усугубляемые нелепыми «начинаниями» начальствующих чиновников и преданных им недалеких прислужников.

Очень хорошее впечатление разнообразием тем и способам их экранного воплощения у меня оставила конкурсная программа арабских фильмов на XVII Дамасском международном кинофестивале 2009 г. В их числе — далекая от коммерческого поточного кинематографа кинолента «Касанегра» (Казанигра) марокканца Нуреддина Лахмари, которая темпераментно и реалистично воспроизвела поиски своего места в жизни перебивающимися случайными заработками двух оборотистых и задиристых 23-летних жителей Касабланки. Понравилась также картина «Тридцать» (Саласун) тунисца Аль-Фадила аль-Джазири, поэтично и выразительно передавшая историю трех молодых энт/3,20узиастов-реформаторов, пытавшихся в период 1924–1934 гг. модернизировать и оживить находившуюся

в состоянии стагнации социальную и культурную жизнь Туниса. Новаторски и в тоже время правдоподобно в кинофильме «1–0» (Вахид сифр) египтянка Камла Абу Заки показала представителей самых разных слоев каирского общества, чьи помыслы и чувства счастливым образом объединились в день 10 февраля 2008 г., когда сборная Египта по футболу одержала победу и выиграла Кубок Африканских Наций. Фильм-исповедь «Еще раз» (Марра ухра) сирийского режиссера-дебютанта Джуда Саида, заостривший внимание на «перекличке» памяти армейского офицера, служившего когда-то в охваченном гражданской войной Ливане, и ставшего взрослым сына, проводил важную мысль о том, как не просто на деле осуществить, казалось бы, простую жизнеутверждающую истину — «Человеку нужен человек».

То, что кино в арабских странах находится в постоянном поиске и развитии, убедили также успешно прошедшие в Москве в декабре 2010 и апреле 2012 г. Недели алжирских и тунисских фильмов. Вошедшие в их программы киноленты привлекли не одним только честным и правдивым воспроизведением определенных типов национальных характеров и традиционной системы людских взаимоотношений. В них присутствовали одновременно виды национальной природы, ее ландшафты, своеобразные памятники архитектуры и старины, предметы повседневного обихода, что указывает на то, что кинематографисты Туниса и Алжира исполнены решимости укреплять среди зрительской аудитории своих стран высокие и священные чувства родины и патриотизма. Показанные в Москве кинофильмы добились успеха не прямолинейным осуждением порока, а анализом того, что кроется за поступками экранных персонажей, за всем заметным укладом национальной жизни, желанием кинематографистов понять, что препятствует человеку обрести душевную гармонию.

Подытоживая, хочется сказать следующее: по-настоящему ценят, уважают и любят только того, кто способен нести свое лицо, свою неповторимую и самобытную культуру.

Список литературы

Кино Азии, Африки, Австралии, Латинской Америки: Режиссерская энциклопедия / Отв. ред. Т.Н. Ветрова. М., 2001.

Сведения об авторе: *Шахов Анатолий Сергеевич*, канд. ист. наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: a-shakhov@yandex.ru

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение» публикует статьи, материалы и сообщения, рецензии и библиографические обзоры, информацию о круглых столах и конференциях по своему научному профилю.

Авторы несут ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат, имен собственных (в том числе географических названий), а также сведений энциклопедического характера.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к **формату** текста статей:

- текстовый редактор Microsoft Word (версия 6.0, 7.0, 95, 97, 2000 и т.д.);
- шрифт Times New Roman или Times New Roman Cyrillic 12-й кегль;
- полуторный междустрочный интервал;
- поля 2,54×3,17;
- объем рукописи до 20 тыс. знаков с пробелами (для аспирантов – строго до 15 тыс. знаков с пробелами).

Требования к **форме** предоставления статей:

- текст предоставляется на компакт-диске (или присылается на электронный адрес редколлегии) в формате RTF (rich text format) и в распечатанном виде (можно прислать указанные материалы простым письмом по почте на адрес института с пометой «для Вестника МГУ»);
- если в статье используются дополнительные шрифты (старославянские, древнегреческие и т.д.), то они должны быть записаны на диск;
- схемы, рисунки, алгоритмы и иной иллюстративный материал необходимо сохранить отдельными файлами и распечатать на отдельных страницах.

Статья должна содержать обязательные элементы, без которых ее публикация невозможна:

- аннотацию (3–5 предложений) и ключевые слова (3–6 слов/словосочетаний) на русском и английском языках;
- сведения обо всех авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;
- ссылки на цитируемые произведения должны быть оформлены **в тексте в виде подстрочных примечаний**, а список процитированных произведений должен быть вынесен **в конец статьи в виде списка литературы**.

Статьи, оформленные не по правилам, не будут приниматься к публикации.

Помните, что набор текстов в других редакторах или программах, сохранение их на вирусных или дефектных дискетах, а также распечатка без соблюдения требований к шрифту, его размеру, междустрочному интервалу, некачественная печать могут существенным образом усложнить процесс публикации ваших статей.

Материалы сдаются в редколлегию по: e-mail: office@iaas.msu.ru

Выплата гонорара за публикации не предусматривается.

Рукописи не возвращаются. Рецензии не высылаются. Редакция в переписку с авторами не вступает. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

Плата за публикацию рукописей (в том числе с аспирантов) не взимается.